

Необъяснимое и необъясненное
(Из личных и семейных воспоминаний)

I

Поверят мне или нет – не знаю; но я буду рассказывать одну только правду, мне достоверно, несомненно известную! Мы живем в такое странное, смутное время, когда то и дело слышим, а иногда и сами видим такие необъяснимые, чуть ли не сказочные вещи, нежданно-негаданно разыгрывающиеся то тут, то там в среде самых мирных, прозаических семей, никогда не помышлявших о каких-либо необычайных проявлениях, что, по моему мнению, на каждом человеке лежит обязанность по возможности очищать истину от неизбежных преувеличений и неточностей и заявлять о ней могущим серьезно ею интересоваться.

Я выросла в семье строго православной, искренно верующей, но никак не настроенной мистически, только развитой не в духе отрицания неведомого или глумления над необъяснимым единственно потому, что оно не нашего-де ума дело; а так как признаваться в собственной умственной несостоятельности «образованным» людям не подобает, так давайте лучше играть в недоверие и *esprit fort*ство¹. Этого я в семье моей не встречала; но не встречала также ни суеверия, ни ханжества, подготовляющих почву к вере во все сверхъестественное. Когда же лет шестнадцати я рассталась с семьей моей матери², в которой выросла, оставшись по смерти ее семилетним ребенком, и переехала жить к отцу³, в то время вторично овдовевшему, я встретила в нем человека крайне скептического, скорей деиста, ко всему в жизни относившегося с самой реальной точки зрения. Был он человек очень умный, много знавший, даже можно сказать ученый; но ученый и развитый по своему личному масштабу, далеко не в духе смирения пред истинами христианства и слепой веры в бессмертие духа человеческого и жизнь загробную... Я говорю об этом для того, чтоб скептикам было ясно, что в моем духовном развитии не преобладало какое-либо одностороннее влияние, а также и затем, чтоб личность отца осветилась верней и сразу стала особняком от родных матери, людей совершенно другого закала.

Благодаря исключительному влиянию на мое воспитание особы, по принципу предоставлявшей мне много свободы саморазвития, если можно так выразиться, возлагавшей много надежд на духовные, индивидуальные силы каждого ребенка, лишь бы они были толково и честно направлены, я сызмала привыкла думать сама за себя, анализировать по мере сил и способностей все меня окружавшее и жить сознательной жизнью. Очутившись же так рано чуть ли не полной хозяйкой в доме отца, я тем скорее почувствовала себя самостоятельной и, сколько себя помню, начала критически относиться к вещам и людям с таких лет, когда другие девушки еще недалеко уходят от вполне беспомощных детей.

Таковую застал меня [18]53–[18]54 год, – памятный многим и по многому.

Памятен он Крымской войною; памятен во многих местах России сильной холерою, лесными пожарами; во всей России – смертью Государя Николая Павловича⁴; а во всем мире –

Публикуется по: Ребус, 1884, №43–48, 28 октября – 2 декабря; 1885, №4–7, 27 января – 17 февраля; №9–11, 3–17 марта; №13–14, 7–14 апреля. См. также отдельное издание редакции журнала «Ребус» (СПб., 1885), которое было «дозволено цензурою» 7 мая 1885 г.

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

¹ вольнодумство (*фр.*).

² Ган Елена Андреевна (1814–1842) – писательница.

³ Ган Петр Алексеевич (1798–1873) – офицер конной кавалерии, полковник в отставке (1845), управляющий Каменец-Подольской земской конюшней (1846–1848), Гродненский губернский почтмейстер (1851–1858); в браке с первой женой Е.А.Ган имел трех детей Елену (Е.П.Блаватская), Веру (В.П.Желиховская) и Леонида (Л.П.Ган); в браке со второй женой Аделаидой фон Ланг имел дочь Елизавету (1849–1913).

⁴ Николай I (1796–1855) – российский император (с 1825 г.).

первыми проявлениями столоверчения и духописания, первыми слухами о *спиритизме*, тогда еще не окрещенном этой кличкой.

Первые слухи о неизвестной силе, двигающей предметы, как все помнят, пришли к нам из-за океана – из Соединенных Штатов. Несмотря на горячее, смутное время, а быть может именно вследствие общей смуты и тревоги, все горячо набросились на верчение столов, шляп, тарелок. Потом явились усовершенствования: карандаши, вделанные в миниатюрные столики; таблицы букв, по которым заставляли ходить намеченную тарелку, карту или т.п.

Я тогда жила с отцом в Гродно и, едва опомнившись от своего нравственного одиночества, вследствие разлуки с взрастившей меня семьей, только начала свыкаться со всем новым, окружавшим меня. Уезжая в 1852 г. из Тифлиса, я была убеждена, что еду не более как на два-три месяца. Когда же отец лично приехал за мною в Москву, куда дядя⁵ и тетка⁶ привезли меня с собою для моего удовольствия, я, не считая себя вправе отказать ему, последовала за ним, но первый год тосковала несказанно!.. Все мне казалось дико, чуждо, чуть не враждебно... Я жила со дня на день, выжидая ночи и сна как покоя и утешения. Из ночи в ночь снились мне родные лица, родные места, родные горы Кавказа, о которых я тосковала не менее, чем о друзьях.

Понятно, как я ухватилась за чудное средство говорить о них, узнавать, не выжидая по неделям и месяцам писем, что делают близкие мне люди, здоровы ли они, что у них происходит?.. Не могу сказать, чтобы я верила вполне ответам наших пифий; но это занятие, развлекая меня, нередко утешало в печали. Мы скоро выдумали беседовать с миром невидимым чрез посредство азбуки, написанной на листе и намагнитизированной карты, заменявшей нам тарелку. Занимались этим везде: у дяди моего, брата отца, – Г.А.Гана⁷, жившего рядом с нами; в семье генерала Н.Б.Броневского⁸, отца его жены⁹; у председателя пал[аты] госуд[арственных] имущ[еств] А.Л.Кожевникова, бывшего декабриста¹⁰, женатого на Ал. Влад. Львовой, больших adeptов спиритизма, – да будет мне позволено заранее пользоваться этим еще неизвестным тогда словом. Меня самую скоро прославили сильным медиумом, хотя, быть может, точно и не называли еще этим именем. Способность моя и забавляла, и радовала, и удивляла меня, отчасти даже пугала.

Рассказать теперь что-либо последовательное об этих моих занятиях спиритизмом никак не могу, забыла, оставив именно в это время хорошую привычку, данную мне с детства: всякий вечер записывать все случившееся со мною. Но в моем тогдашнем настроении, считая свое прозябание в Гродно как бы не жизнью, мне скучно было ее записывать. Помню только одно и не намерена скрывать это из боязни каких-либо подозрений или насмешек: в большинстве случаев, когда карта моя приходила в движение, я *заранее знала*, что она ответит. Мне часто даже казалось, *что я сама, по своей воле, ее направляю*... Но тем не менее, тоже в большинстве случаев, карта моя ясно и верно отвечала на *мысленные вопросы* иногда мне совсем незнакомых людям!..

Я вскоре приобрела известность. Ко мне стали обращаться не только гродненские жители, но иногда письменно люди совершенно незнакомые из Варшавы и других городов. Незнакомые и в особенности знакомые не давали мне покою!.. Отец относился скептически, посмеиваясь над моею «ловкостью»; как я ни протестовала против его безмолвных обвинений, я не могла еще уговорить его самого *попробовать*. Это было впереди...

---

⁵ Фадеев Ростислав Андреевич (1824–1883) – генерал-майор, военный историк, публицист, дядя Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

⁶ Фадеева Надежда Андреевна (1829–1919) – тетья Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

⁷ Ган Густав Алексеевич (1805–1859) – офицер русской армии, полковник в отставке (1841), управляющий Ярославской палатой государственных имуществ (1842–1845), председатель Олонецкой казенной палаты (1848–1850), председатель Гродненской казенной палаты (с 1850 г.), статский советник (1848), кавалер орденов Св. Анны 3-й и 4-й степеней и Св. Владимира 4-й степени, имел сына Евгения (1834–1873) (см.: РГИА, ф. 383, оп. 6, д. 5912; НИАБ в г. Гродно, ф. 24, оп. 6, д. 68; ф. 332, оп. 2, д. 2); дядя Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

⁸ Броневский Николай Богданович (1788–?) – генерал-майор.

⁹ Броневская Элеонора Николаевна (1824–?) – жена Н.Б.Броневского.

¹⁰ Кожевников Андрей Львович (1802–1867) – декабрист, член Северного общества, управляющий Гродненской палатой государственных имуществ (1845–1861), действительный статский советник (1858).

Немало смущали меня и воззрения некоторых богобоязненных особ: тетки моей Леоноры Никол[аевны] Ган и в особенности матери ее старушки Броневской¹¹, которую я искренно любила и уважала, как и всю эту прекрасную семью. Ольга Ивановна положительно была убеждена, что в моей карте нечистая сила, и даже начала несколько сторониться меня. Меня это огорчало!.. Она просила дочерей своих, в особенности Лизу Броневскую, мою приятельницу, не допускать этих занятий под праздники, в пост и во время богослужений... Я стала отказываться вовсе «*держатъ карту*» в доме Броневских.

Хорошо помню одни только случаи, – но он стоит многих!..

Через карту мою говорили разные личности, но чаще других какой-то *алжирец*, аравитянин. Почему алжирец? Какое ему было дело до занятий В.П.Ган в литовском городе Гродно?.. Объяснить это трудно, – но это факт. Жалею, что не могу вспомнить его поэтического, чисто арабского имени: сочинять не стану!.. Этот *дух*, как мы его тогда называли, был очень легок на помине и подвижен, как то, впрочем, и подобает духу, да еще природному бедуину!.. Он очень часто по востребованию улетал на побывку в Севастополь, в Малую Азию, вообще на место военных действий и возвращался оттуда с известиями...

Мне приходит на ум, что о событии, к которому я приступаю, следовало бы писать серьезней, а не в таком легком тоне... Но что же делать?.. Из *не сочиненного* рассказа, как из песни, – слово не выкинешь. Как написалось – так написалось!.. Я продолжаю.

В то время одна дама, жена, кажется, уездного предводителя дворянства в Гродно, – Веленина была очень больна: она умирала от рака в груди. Была она женщина хорошая, мы все очень о ней жалели.

Раз, помнится, в доме Кожевниковых мы с Лизой Броневской и несколькими другими лицами держали карту, беседуя с соотчиком Абд-ель-Кадера, когда одна дама приехала прямо от Велениной и начала рассказывать о ее тяжелом состоянии и о том, что кроме болезни ее мучает неизвестность об участии брата, находившегося под Севастополем и вот уже месяц ни слова не писавшего. Мы с Лизой переглянулись. Та же мысль пришла и хозяйке дома.

– А вот, пусть m-lle Вера спросит свою вещунью-карту. Может быть, что-нибудь и узнаем! – сказала она.

Конечно, и гостя тотчас же к ней присоединилась, прося меня «*погадать*».

Все мое гадание заключалось в том, что я спросила: «Скажи нам, что делает, здоров ли такой-то». Имя его я теперь забыла!

Не прошло и пяти минут, как у Лизы Б[роневской], записывавшей буквы по мере того, как намеченный уголок моей карты на них останавливался, вышла следующая фраза: «*Он с нами... Сестра скоро его увидит*».

Нечего и говорить, что этот ответ крайне смутил все общество и меня в особенности.

– *С нами?* Значит – умер; убит, вероятно?..

«Да. Не убит, но умер от раны...»

– Так значит и она... Веленина?..

Я бросила карту. Понятно, что я не хотела ждать ответа.

Но вот факт, происшедший на глазах у нескольких свидетелей.

Через неделю или десять дней Веленина умерла. Она лежала в предсмертной агонии, все думали, что она в беспамятстве и уже отходит, как вдруг лицо ее прояснилось, на нем изобразилось сначала изумление, потом радость... Умиравшая приподнялась, широко открыв глаза и всматриваясь в один из углов комнаты, она явственно произнесла:

– Брат!! Ты приехал?.. *Ты жив?!.* Я рада!..

Это были ее последние слова. Веленина умерла с улыбкой счастья на лице... Сбылось предсказание моей магической карты: она увидела своего брата, переступая грань жизни от нас – *к ним!*..

---

¹¹ Броневская Ольга Ивановна (урожд. Шленговская).

Как странно думать, что *мы* и *они* – это только вопрос такого короткого, короткого времени!..

В то же время я стала получать письма из Тифлиса, сообщавшие не менее удивительные вещи. Там обе мои тетки, Е.А.Витте¹² и Н.А.Фадеева, и много знакомых занимались уже не только верчением столов, но и писанием. Результаты их сеансов были гораздо еще удивительнее, чем у нас; но так как я не была им личной свидетельницей, то не стану их описывать. Дай Бог со своим матерьялом справиться!..

Предупреждаю заранее, что в правдивый рассказ мой обо всем необъяснимом, что случилось со мной лично или на моих глазах с другими, войдут не только спиритические факты, но и вообще всякие явления, совершавшиеся наяву или во сне, которые остались загадочны и не объяснены ничем реальным.

С наступлением великого поста мы совершенно оставили наши спиритические занятия. Время это было очень тяжелое для всех русских. Наши военные дела у всех лежали на душе тяжелым камнем; впереди все казалось мрачно и туманно, и в непроглядном этом тумане кровавым пятном горел наш славный, истерзанный Севастополь, этот всероссийский мученик за прегрешения всей Европы... Почти не было семьи не в трауре. На всех нас лежал гнет не своего, так соседнего горя и общего уныния, общего страха за будущее...

18 февраля утром я спешила одеться к обеду. У меня была молоденькая горничная, полька по имени Юлия, большая франтиха и болтуня, но совершенно безграмотная. То было ведь время сигнальных телеграфов, когда вести ими передавались, пожалуй, медленнее, нежели ныне передаются почтою. Мы еще ровно ничего не знали о нездоровье Государя... Подавая мне умываться, Юлия принялась рассказывать мне сон, ею виденный в эту ночь.

– Я была в поле, – говорила она, – в пустом поле, вечером. Солнце садилось в больших тучах. Мне отчего-то стало страшно и я взглянула вверх, на небо. Там, высоко в небе, я увидела орла, но не простого: это была такая большая, черная птица с двумя головами, какие рисуют *на ящичках с сургучом*¹³... (Простая девочка не умела даже объяснить, что ей приснился герб Российской империи!..). И вдруг этот орел выпустил из лап *шар* и *палку*, которые всегда держит, и они полетели вниз и закружились, закружились, падая на землю, а сам орел опустил свои головы и тоже начал тихо падать... Я испугалась!.. Хотела бежать; повернулась в другую сторону и... закрыла глаза!.. Меня ослепил свет *другого солнца* и *другого орла*, который подымался весь в лучах на другом краю неба и заливал все поле своим блеском!..

В полдень было получено известие о болезни Николая Павловича; в ночь пришло другое – о Его кончине¹⁴. Тогда я и те, кому я передала рассказ Юлии, поняли, что означает ее сон...

Всю жизнь мою я недоумеваю: из-за чего, почему и зачем такой чудный вещий сон был послан бедной, невежественной горничной, которая ни понять, ни оценить, ни даже, вероятно, запомнить его толком не сумела?.. Ей ли, не знавшей как назвать скипетр и державу, не имевшей понятия о значении двуглавого орла, – следовало видеть этот сон?..

Наступило время таких событий, непрерывных, сенсационных известий, ожиданий и всяческих интересов, что зарождавшийся спиритизм на время отошел на второй план. Столоверчением и столописанием не переставали заниматься, но об нем как-то меньше говорили, менее им интересовались. В моей жизни произошла тоже большая перемена: я была невестой, и человек¹⁵, женой которого я должна была сделаться через два-три месяца, просил меня оставить мои спиритические занятия.

Зато этой самой весной со мной случилась другого рода, но не менее странная вещь, чем предвещанья моей магической карты.

---

¹² Витте Екатерина Андреевна (1819–1898) – тетья Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

¹³ сургучом (*устар.*).

¹⁴ Николай I умер 18 февраля 1855 года.

¹⁵ Яхонтов Николай Николаевич (1827–1858) – муж В.П.Желиховской, псковский помещик, брат поэта Александра Николаевича Яхонтова (1820–1890).

Я была очень дружна с семьей одного помещика А.А.Липхардта, имение которого находилось недалеко от Гродно. У него было пять дочерей, из них две мои задушевные приятельницы, в особенности вторая – Ольга, моя сверстница год – в год, месяц – в месяц и даже день – в день. Мы часто гостили друг у друга, и этой весной я прожила недели три у них в деревне, пока жених мой уезжал в Петербург. Я любила бывать в их Крынках, и по дружбе к ним, и по всегда царствовавшему там оживлению, и еще отчасти потому, что у них были хорошие лошади и дамские седла, и я во всякое время могла кататься и поминать, хоть небольшими верховыми прогулками, экскурсии-monstres¹⁶, которые, бывало, совершала на Кавказе. Вот в одну из таких поездок мы, заехав в бор, вздумали отдохнуть на траве под тенью сосен и сошли с лошадей. Все разбрелись, кто с кем, в разные стороны; я же степенно уселась рядом с хозяином дома, большим моим приятелем. А.А.Липхардт, хотя отец многочисленного семейства, перенесший немало житейских невзгод, был еще чрезвычайно любезный, остроумный и веселый человек старого закала: прекрасно воспитанный и классически образованный. Кроме удовольствия его беседы, на которое я рассчитывала, у меня в этот раз был на него другой умысел: я хотела, оставшись с ним наедине «под сенью деревьев», заставить его исполнить давнишнее его обещание. Я знала от его дочерей, что он очень верил и много занимался френологией и хиромантией. Раз даже, несколько месяцев тому назад, когда я еще совсем не знала своего жениха, а думала о другом, темноволосом человеке, Александр Александрович будто бы шутя взял мою руку и объявил не обинуясь, что я напрасно *занята* брюнетом, что судьба моя связана с человеком русым, которого я еще не знаю, но дороги наши скоро сольются...

– На веки вечные? – пошутила я тогда, не веря предсказанию.

– Не знаю, навеки ли... – довольно серьезно возразил мне Липхардт, не оставляя руки моей.
– Вероятно, до смерти одного из вас...

– Ах, Бог мой! – вскричала я. – Я совсем не желаю оставлять мужа моего горестным вдовцом!.. Я, как некогда Уголино, который кушал своих собственных детей, чтоб сохранить им отца¹⁷, лучше бы желала пережить будущего своего супруга ради того, чтоб он меня не оплакивал!.. Посмотрите, пожалуйста, внимательнее: длинна ли линия жизни на моей руке?..

Собеседник мой ответил со смехом, чтоб я о себе не беспокоилась: что проживу до глубокой старости...

Это было зимой; и я вскоре забыла наш разговор.

Но теперь, когда первая часть предсказания Ал[ександра] Ал[ександрови]ча сбылась, когда я была невестой белокурого человека, которого любила всем сердцем, я вспомнила слова мои и его ответ и они меня мучали!..

Я вздумала воспользоваться этой прогулкой и нашим уединением, чтоб умолять его посмотреть мою руку и сказать мне все, *всю правду*.

Правды, как потом я сообразила, А.А.Л[ипхардт] не хотел мне сказать и понятно! Время ли было рассказывать счастливой семнадцатилетней девушке-невесте, что ей невдалеке грозит вдовство и горькая печаль!.. Ал[ександр] Ал[ександрови]ч, напротив, начал смеяться и упорно отрицать свое первое предсказание. Насилу умолила я его сказать мне хотя бы что-нибудь, хотя бы о далеком, далеком будущем!..

Теперь то время кажется таким недавним! Тогда же будущность казалась бесконечной, недосыгаемой...

И я добилась своего. Он предсказал по руке моей мое *далекое будущее*, ныне уже давно обратившееся в прошедшее. И все, что он сказал, исполнилось. Он предсказал мне: короткое счастье; много забот и волнений; неожиданную, внезапную перемену жизни, которая сначала как

---

¹⁶ обширные экскурсии (*фр.*).

¹⁷ Уголино делла Герардеска (ок. 1220–1289) – свергнутый правитель Пизы, вместе с сыновьями и внуками был заточен в башне. Данте в «Божественной комедии» пишет, как Уголино безумно страдает от голода. Сыновья предлагают ему себя: «Отец, ешь нас, нам это легче будет; / Ты дал нам эти жалкие тела, – / Возьми их сам; так справедливость судит».

бы озарит ее новым счастьем, но потом навлечет тяжелую, долгую, отчаянную борьбу с противными мне силами и обстоятельствами.

– Вам тяжело придется бороться с противным течением, – сказал он в заключение. – Это будет темное время в вашей жизни, – но вы его победите: вы сильный человек и сумеете выплыть!.. И вот тогда-то вы достигните лучшего времени. Старость ваша будет спокойна; но спокойствие это вы заслужите упорным трудом и борьбой...

И все это сбылось, – кроме спокойствия, которого я еще ожидаю. Я часто вспоминала это предсказание, сделанное мне в ранней молодости, и странно, что заключение его – конец конца – спокойная старость – всегда невыразимо утешительно влияло на меня. Я уже достигла *лучшего времени*, это бесспорно. Но я надеюсь, что Бог пошлет мне на старости еще более ясные дни. Я не имею права не верить теперь, что все предсказание моего старого приятеля сбудется от слова до слова¹⁸.

Летом была моя свадьба, после которой мы с мужем тотчас уехали к родным во Псков и в Петербург.

Вот в это-то время, в продолжение июля месяца, проведенного нами в гатчинском имении родного дяди его Никол[ая] Фед[оровича] Кандалинцева, произошли на глазах моих такие загадочные события, которые всю жизнь приводили и приводят меня и поныне в полнейшее недоумение каждый раз, как я о них вспоминаю.

Им, этим замечательным фактам, я посвящаю следующую главу моего рассказа.

II

Войсковицы, гатчинское имение дяди моего мужа, было прекрасное, барское село с красивым садом, прудами и домом комнат в двадцать, половина которых, по крайней мере, бывала всегда гостеприимно открыта посетителям.

За век молодой хозяйки гости и веселые приемы не переводились как в деревенском, так и в городском доме Н.Ф.Кандалинцева, но после ее смерти¹⁹ жизнь пошла тише. Не для кого было хозяину дома стеснять себя приемами, которых сам он не любил. Семья его состояла из троих детей: сына Николая – шестнадцати лет, дочери Анны – четырнадцати и Лидии – хорошенькой, десятилетней девочки. С ними жила еще родная сестра Н[иколая] Ф[едоровича] Аграфена Федор[овна] Веревкина²⁰, вдова-старушка, – заменявшая мать рано осиротевшим племянникам. Она была гораздо старше брата; ее сыновья все были уже женаты, а старшего я знала еще на Кавказе генералом²¹. Старушка пользовалась в семье большим почетом, но влияния имела мало. Девочки проводили все свое время с англичанкой; хозяйством заведовали управляющие, дворецкие, экононы да доверенная женщина, Агафья; весь дом был на ее руках. Агафья, хотя чисто русская, но до того была *опетербуржена* и *очухонена*, что ли, что с виду ее можно было, с ее белым накрахмаленным передником с талией, прилизанными волосами и луковичными часами за поясом, легко принять за немку. Николая мы видели редко. Это был очень бледный, слабый, вечно больной мальчик, безуспешно прошедший чрез руки чуть ли не всех столичных докторов.

Муж мой почти каждое утро до обеда уезжал с дядей в Петербург. Он не служил, а занимался частными делами, Николай же Федорович был уездным предводителем дворянства.

Однажды Николушка, как звали его в семье, не вышел к обеду. Он заболел сильнее... Я не расспрашивала о роде его болезни, но знала из разговоров, что она какая-то странная, нервная, не поддававшаяся никакому анализу, что именно и сбивало с толку медиков.

---

¹⁸ А.А.Липхардт и теперь еще живет в своем гродненском имении и, быть может, вспоминает сам свое предсказание. – *Примечание В.П.Желиховской.*

¹⁹ Кандалинцева Лидия Александровна (урожд. Михайловская-Данилевская, 1821–?).

²⁰ Веревкина Аграфена Федоровна (ок. 1790–?) – жена Николая Никитича Веревкина (1766–1830), генерал-лейтенанта, Санкт-Петербургского коменданта (1813–1814) и московского коменданта (1821–1830).

²¹ Веревкин Александр Николаевич (1818–1854) – генерал-майор.

То было время самой громкой славы Юма. Он только что побывал в Петербурге, наполнив его рассказами о чудесах, происходивших в его присутствии²². Н.Ф.Кандалинцев, ревностный адепт спиритизма, сам присутствовал на нескольких сеансах Юма и рассказывал с увлечением о звоне колокольчиков, о передвижении мебели, о столах, державшихся на воздухе, букетах и цветах, разбрасываемых невидимыми руками, об аккордах музыки, неведомо кем взятых, и пр[очих] чудесах. Да и кроме Юма тогда уже было достаточно у нас своих доморожденных спиритов. Агр[афена] Федор[овна] Веревкина боялась этих рассказов и не любила, когда об этом заходила речь, но Ник[олай] Федорович, напротив, с удовольствием распространялся о разных явлениях и столописаниях. Он особенно часто, помню я, возвращался к рассказу о том, что он прежде не верил, считал это за фокусы, но вот, однажды, ему хотелось остаться подолее в одном доме для наблюдения за столописанием, а между тем, он знал, что ему уже время вернуться и необходимо быть дома, так как он ждал по очень важному делу какого-то Ширинского-Шихматова.

– И вот, – продолжал он, – сижу я, глядя на эволюции стола под руками мне совершенно незнакомой особы, сижу и думаю: а ну как он приедет, – а меня и нет! Дело дрянь выйдет!.. И вдруг, что ж бы вы думали?.. Обращается ко мне эта барышня, сидевшая за пишушим столом, и говорит: «Г[осподин] Кандалинцев стол для вас что-то написал». Я встал, разумеется, очень удивленный. Она подает мне исписанный лист и на нем, под моей фамилией, нацарапано: «Не трудитесь возвращаться домой: Ширинский-Шихматов уже был, и не один, а с женою». И что ж бы вы думали? – торжествуя снова вопрошал наш рассказчик, в десятый раз рассказывая это происшествие. – Приезжаю домой и узнаю, что так точно все и было, что сестра и Анюта их без меня приняли, а они так меня и не дождались!..

Я столько раз слышала это повествование, что каждое слово его и при этом вся фигура покойного Никол[ая] Фед[оровича] со всеми оттенками голоса и выражения неизгладимо запечатлелись в моей памяти. Не менее живо помню я и следующую сцену. Я вошла перед обедом из цветника на балкон, завешенный маркизами²³, и в отворенные в гостиную двери услышала горячий спор между сестрой и братом. Агр[афена] Федор[овна] просила чего-то не делать, кого-то не привозить, а лучше послать за их доктором да отслужить молебен. Это было именно в день болезни Николушки.

Николай Федорович горячился.

– А я тебе говорю, сестра, что на него у меня одна надежда! Он не поможет, – так никто не поможет! Ты пойми: чудеса творит!.. Юм перед ним глаза опустил и сознался, что никогда не встречал столько магнетизма в человеческом взгляде.

– Да ведь уж он магнетизировал Николушку...

– Ну и что ж? Разве он не уснул?..

– Уснуть уснул, да что ж от того за польза?.. На другой день еще слабей стал... И притом, Николаша его ненавидит!

– Что ж такое, что ослабел? Это обыкновенное следствие первых сеансов. Сначала ослабеет, а потом укрепитя... Всегда так! А что ненавидит, так это лучшее доказательство силы магнетизера, если субъект его ненависть к нему чувствует. Вы, вот, сестрица, об этом не читаете, а я интересуюсь и знаю. Нет, уж как вам угодно, – а я завтра же попрошу князя Алексея²⁴. Пускай приезжает два-три раза в неделю, сколько нужно! Лишь бы помог, – а я ни за чем не постою!..

– Вот то-то же: лишь бы помог, – со вздохом подтвердила старушка. – Ну, а я признаюсь, не то, что не верю его леченью, а просто-таки его самого боюсь, князя-то вашего, пучеглазого!.. Как пришел он в тот раз, да вытаращил свои черные буркулы на Николушку, точно съесть его хочет, прости Господи! Так я и подумала: не бывать пути из этого леченья!.. Не бывать, да!

– Ну и вздор вы говорите, уж извините меня, сестрица. Немало людей, побольнее Николая, Долгорукий на ноги поставил. И его, даст Бог, вылечит...

²² Юм Дэниель Дуглас (1833–1886) – шотландский медиум, в 1858–1859 гг. впервые находился в России.

²³ Маркиза – матерчатый навес над окнами.

²⁴ Долгоруков Алексей Владимирович (1813?–1869?) – магнетизер, писатель.

– Не даст этого Бог! Потому... Не от Бога его сила – не от Бога и лечение!

Но тут на старушку напали все присутствовавшие, и муж мой, и я, и старичок-сосед, всегда являвшийся в Войсковицы к обеду, и пуще всех сам хозяин дома, и осилили ее протесты. Было решено, что если к вечеру Николушке не будет легче, кн[язю] Алексею Долгорукому телеграфируют и попросят его окончательно взять на себя лечение больного.

К вечеру Коле стало хуже. Телеграмму послали и распорядились, чтобы к утреннему поезду была послана за князем коляска.

Признаюсь, я с нетерпением и большим любопытством стала ожидать приезда известного магнетизера²⁵. Я много слышала о нем; но никак не надеялась увидеть его самого, а тем более видеть его магнетические сеансы.

Утром я пила чай с Агр[афеной] Федоровной, когда доложили о приезде князя Долгорукова и сам он вошел к нам на балкон. Наружность его поразила меня. Он был небольшого роста, очень смуглый и некрасивый, с огромными черными глазами навывкате; чрезвычайно живой и подвижный в речах и манерах, он с первого раза не производил приятного впечатления. Только поговорив с ним подолее, впечатление это исчезало и у многих нередко заменялось чувством безотчетной симпатии. Во взгляде его было что-то необъяснимое: он и притягивал к себе, и пугал. Мало кто мог переносить этот взгляд. Князь сознавал свою силу и забавлялся ею иногда, как ребенок. В сущности это был человек в высшей степени простосердечный и добрый, но гордый и честный до преувеличения и щепетильности. Будь в нем хоть сколько-нибудь корыстолюбия и хоть на каплю шарлатанства, уменья товар лицом показать, он бы мог составить себе огромное состояние, но он так просто и легко относился к своей силе и столько тратил времени на бедных пациентов, которые могли вознаграждать его попечения одной только сердечной благодарностью, что на всю жизнь остался бедняком.

Но к делу:

Князь, расспросив подробно о состоянии Ник[олая] Кандалинцева, выразил желание, чтобы все было устроено для него так, как он всегда того требовал, и через полчаса направился вместе с отцом и теткой в комнату больного. Я бы не пошла с ними, если бы сам князь, узнав, как я интересуюсь магнетизмом, не пригласил меня. Требования его заключались в непрременном условии, чтоб присутствие его не было известно больному и чтоб он мог издали, невидимый им, начать его магнетизировать. Устроилось это легко. Под предлогом уборки постели мальчика перевели с кровати на диван и положили спиною к дверям, настежь отворенных в следующую комнату.

Коля дурно провел ночь и был очень слаб. Я, не видя его более двух дней, нашла в нем большую перемену. Все мы вошли к нему, поздоровались с ним как ни в чем не бывало и тихонько отошли в сторону. Долгорукий, остановившись на половине первой комнаты, начал издали свои магнетические пассы...

Отец долее других простоял возле больного. Он наклонился над ним и участливо спрашивал: не поест ли он чего-нибудь? Не выпьет ли чего?.. Более суток он не принимал пищи... Николушка слабо вертел головою и чуть слышно прошептал:

– Ничего не хочу. Устал!.. Если б заснуть...

– Да! Ты, бедный, давно не спал спокойно. Попробуй! – возразил отец. – Сон бы укрепил тебя.

И Ник[олай] Фед[орович] отошел от сына, не сводя с него тревожного взгляда. Князь продолжал свое дело, устремив пристально глаза на мальчика, неслышно приближаясь к нему с каждым пассом ближе и ближе...

Помню, что у меня сердце билось и замирало.

Помню также, что у меня мелькнула мысль: не диво, что бедный, ослабевший от поста и бессонницы мальчик уснет!.. Но посмотрев внимательнее в лицо Николая, я убедилась, что им

---

²⁵ Летом 1881 года Анна Алексеевна Грен, дочь кн[язя] Алексея Долгорукова, говорила мне в Тифлисе, что отец ее живет в Смоленске и поныне занимается магнетизмом. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Анна Алексеевна Грен (1834–?).

овладел не обыкновенный сон. На исхудавшем, бледном лице было напряженное выражение, далеко не похожее на спокойную дремоту; брови его были слегка сдвинуты, веки и углы губ дрожали, из-под ресниц проступали слезы, и сам он вздрагивал каждый раз, как Дол[гору]кий отряхивал руки после пасса. Князь все придвигался. Вот он переступил порог спальни; вот подошел к самому дивану и уже проводил руками над головой больного... Лицо Николая успокоилось. Казалось, он уже, действительно, спал крепким, здоровым сном. В комнате царствовала полнейшая тишина, ничто не шевелилось. Только из сада доносился птичий гам прекрасного летнего утра. Мы все окаменели, будто бы приросли к своим местам... Магнетизер еще раз провел руками над спящим больным, опустил руки и наклонился близко к его лицу, потом к груди, прислушиваясь к биению его сердца... Я ужасно боялась, чтоб Николая не проснулся!.. Но нет. Он даже не сморгнул. Лицо его словно застыло, и дыхание постепенно делалось слышнее, как у здорового, крепкого человека.

Еще минута, и князь, не сводя с него глаз, склонившись над ним, спросил мерных голосом.

– Ты спишь?..

– *Спит!*

Все мы вздрогнули от хриплого, *постороннего* шепота, которым было произнесено это слово.

Я в недоумении переглянулась с Веревкиной. Она, вероятно, ожидала этого, потому что несколько не удивилась, а только досадливо пожала плечами и зашевелила правой рукой под мантилей²⁶. Мне показалось, что она крестится... Сознаюсь: я сама почувствовала желание перекреститься, услышав дальнейшее.

Дол[гору]кий спросил уже громче, увереннее:

– Если *он* спит, не скажешь ли *ты* нам, чем он болен?

Ответ тоже послышался громче, грубым, мужским голосом:

– Не скажу. Зачем?.. Пропишу рецепт... После. Теперь уйди!.. Через час.

И больной, только что не имевший ни сил, ни голоса, сильным движением повернулся к стене и чуть ли не захрапел.

– Теперь пойдете, пусть отдохнет, *сколько велено*; а через час вернемтесь, – обратился к нам князь.

Он вынул часы и вышел, несколько не остерегаясь стучать сапогами.

Все последовали за ним.

– Что это значит? Кто это: *он*? О ком говорили Коля и князь? – спросила я в сильнейшем недоумении, как только Ник[олай] Фед[орович] запер дверь в спальную.

Дол[гору]кий усмехнулся и отвечал мне сам:

– Замагнетизированные больные всегда говорят о себе в третьем лице.

Я вспомнила, что читала об этом.

– Но почему у него вдруг сделался такой грубый голос?..

Князь пожал плечами.

– Об этом меня не спрашивайте, – сказал он. – Я это ровно столько же знаю, как и вы. И, кажется, никто еще не мог объяснить этого странного явления!.. По крайней мере, я лично, сколько ни читал и ни слышал о нем, – ни с чем не мог согласиться.

– И это всегда со всеми больными так? – продолжала я расспрашивать.

– Да, почти со всеми...

Тут Н.Ф.Кан[далин]цев обратился к нему с вопросами собственно о сыне, а я проскользнула в сад и пошла, куда глаза глядят. Мужа моего не было со мною: он уехал накануне на несколько дней в Москву; мне не с кем было поделиться моим недоумением и, сказать по правде, даже страхом; а я чувствовала необходимость сосредоточить мысли, успокоиться.

То ли еще увидела и услышала я впоследствии! Когда я вернулась из сада, все общество было в столовой за завтраком; но никто не ел, кроме князя, который преисправно закусывал и в то

---

²⁶ Мантилья – короткая, не доходящая до колен накидка без рукавов.

же время рассказывал самые успокоительные случаи из своей практики, уверяя, что все зависит от исправности в исполнении советов, которые теперь даст сам больной касательно своего лечения.

Что больные такого рода себе и другим прописывают лекарства, я знала по слухам; но никак не могла представить себе того, что при этом происходило с Николаем Кандалинцевым.

Когда ровно через час Дол[гору]кий подошел к спавшему и, ни слова не говоря, устремил на него свой глубокий взгляд, он вдруг как-то разом, будто машина, приподнялся и сел.

– Пора? – вопросительно произнес князь.

– Пора. Он отдохнул, – отвечал тот же грубый чужой голос.

И вдруг больной открыл веки и обвел всех мутными, холодными глазами...

Что это был за страшный, неприятный взгляд!.. Я отвернулась чуть не с ужасом, встретившись с ним глазами.

– Можешь продиктовать, чем надо лечить Кандалинцева? – спросил князь

– Пиши! – было резким ответом.

Магнетизер вынул записную книжку и карандаш. Пациент сам себе продиктовал лечение – диету²⁷ и лекарство. Последнее он диктовал *по латыни*; по латыни же скороговоркой определил, какого рода расстройство в его организме.

Когда Дол[гору]кий и отец подробно расспросили его обо всем, все время говоря о нем в третьем лице, князь прибавил:

– Хочешь встать? Нужен ему моцион?..

– Сегодня – нет. Следующий раз. Теперь дайте ему есть.

И ему принесли есть. Принесли щей. Принесли бифштекс с огурцами. Принесли еще чего-то. И полные тарелки всего этого Николенька, этот болезненный мальчик, ничего почти не евший, кроме бульону и слабого чая, на наших глазах не ел, – а просто пожирал с какою-то зверскою жадностью, в то же время исподлобья всех обводя злым, затуманенным взглядом, то и дело вскрикивая как-то дико или усмехаясь про себя. Он унимался только по взгляду и слову своего магнетизера.

Мне было ужасно тяжело!.. Я раскаивалась, что пришла смотреть на это зрелище, и рада была, когда он, наконец, перестал есть и хрипло сказал:

– Довольно!.. Пусть спит еще... Уйдите!

И мы опять все вышли. Дол[гору]кий сделал еще несколько пассов над снова улегшимся больным и, выйдя из комнаты, объявил, что больше к нему в этот день не вернется, а приедет снова послезавтра и привезет лекарство.

– До тех пор, пожалуйста, соблюдайте ту диету, которую он предписал, – сказал князь, уезжая, – это очень важно!

Как могло это быть важным, после того огромного количества пищи, которое сейчас истребил больной? – Я недоумевала!.. Недоумению моему суждено было возрастать с каждым днем.

Вечером Николай Кан[далин]цев проснулся опять тем же слабеньким, симпатичным мальчиком, которым все мы знали его. Опять глаза его светились кротко и ясно, и говорил он своим обычным тихим голосом.

Я смотрела на него и не знала, верить ли мне ушам моим и глазам?.. Не будь со мною других, я была бы готова заподозрить себя в помешательстве или во сне наяву.

– Так это всегда делается! – говорила мне вечером Аграфена Федоровна с сокрушением. – Страх берет, глядя!.. Ну скажите: что это за лечение?.. Может ли выдти из него какая польза?.. Один грех!.. Ведь словно кто вселяется в ребенка, право!.. Удивляюсь, как брат решается!..

Я в душе была согласна с тетушкой и в великом смущении ждала, что еще будет?..

На следующий день Николенька был очень слаб, но говорил, что провел ночь спокойней; кроме чая, однако, ничего не хотел есть, к мясу чувствовал положительное отвращение и с трудом согласился в полдень проглотить яйцо всмятку. Глядя на него, я не могла никак отрешиться от

---

²⁷ диету (устар.).

чувства подозрения в его искренности. Меня точно что подталкивало спросить: *что ему снилось?* Не помнит ли он чего-нибудь особенного?.. Я сдерживалась, понимая, что это было бы крайне неприлично, быть может, опасно; но, тем не менее, даже глядя в его кроткие голубые глаза и сравнивая их взгляд с тем оловянным, тускло-зловонным взглядом, который видела накануне, я никак не могла окончательно отделаться от моих подозрений. А голос! Откуда взялся у него тот отвратительный хриплый бас?.. Однако чем более я размышляла, тем более убеждалась, что мои подозрения смешны, а они все-таки не оставляли меня.

Лишнее говорить, что Николая ничего не замечал, не знал и не помнил и являл собою воплощение безобидной искренности и болезненного бессилия...

На другой день, после плохо проведенной ночи, я встала поздно. Магнетический сеанс уже начался, когда я, наскоро выпив чаю, нерешительно пробиралась к той части дома, где жил Николай. В коридоре²⁸ я встретилась с Агафьей, которая очень куда-то спешила, перебирая ключи своей кладовой, но все же приветливо мне поклонилась.

Я спросила, можно ли мне пройти к больному?

– Идите, сударыня, – отвечала она, – пожалуйста прямо – в классную, оттуда в спальню – двери отперты. Все видно... Они уже встали. Князь рано приехал, а спали они ночью не более как полчаса... Послали меня за лимонадом; бегу лимонаду им сделать!..

И она поспешно ушла, а я направилась в комнаты Николая. Подойдя к двери спальни, я невольно отступила назад. Ни магнетизер, ни отец больного, стоявшие спиной к дверям, меня не заметили; но сам он сидел на краю кровати лицом ко мне. Мутные глаза его были устремлены вдаль и тотчас устались на меня, как только я показалась. Я снова услышала *тот* отвратительный голос:

– Дура, останавливаться!.. Разговаривать! – ворчал он, ероша свои густые белокурые волосы, которые обыкновенно лежали гладко, а теперь торчали нечесанные во все стороны, как пакля.

Я в смущении зашла за угол, чтобы не видеть этого взгляда, и недоумевая: кого он бранит? Неужели *он знает*, что Агафья со мной говорила?

Через минуту в этом не осталось сомнения.

– На кого ты сердись? – спросил Дол[гору]кий.

– Да эта дурища Агафья возится с лимонадом, а *он* хочет пить! – было ответом.

Настало несколько секунд молчания.

Вдруг я услышала сердитый возглас и решительные шаги в мою сторону. Я готова была бежать от страха!.. Но князь остановил своего пациента, авторитетно схватив его за руку.

– Куда? – вскричал он. – погоди! Надо прежде *попробовать*, хорошо ли лекарство.

Он усадил его силой на прежнее место.

– Я сказал, что не буду пробовать, пока не принесут лимонаду! – грубо отвечал Николай или тот, кто за него действовал и говорил.

– Сейчас Агафья принесет его.

– Черта с два! (*Наяву* Николая никогда не произносил таких слов!). Эта глупая баба разлила стакан и делает новый. Этому конца не будет!

В высшей степени заинтересованная я тихонько вышла из комнаты и бегом пустилась на разведки, не без внутреннего холода оглядываясь на длинный коридор: не бежит ли за мной Николай?.. В кладовой я впопыхах сказала:

– Скорее несите лимонад, Агафья! Николай Николаич сердится.

– Ах, барыня! – отвечала экономка, суетясь у стола. – Такой-то грех случился: готовый стакан опрокинула!.. Вот другой, сейчас, готов...

Я даже вздрогнула от изумления...

Вернулась я вместе с Агафьей и лимонадом. Любопытство осиливало страх.

Дол[гору]кий подал больному одной рукой темный пузырек с каплями, им самим прописанными, а другой стакан лимонаду.

---

²⁸ коридоре (нем. Korridor).

Николушка взял лекарство, откупорил, понюхал; потом без всяких церемоний опрокинул пузырек себе на язык, посмаковал и произнес:

– Хорошо. Немного не должно мышьяку... Побоялись, дурачье... Ну, ничего. Давайте *ему* по три капли утром, в полдень и вечером. Пищу самую легкую... Ничего кислого, соленого...

– Да он вообще ничего не хочет есть, – прервал магнетизер.

– Силой вливайте... Бульон, молоко. Что-нибудь питательное... Фрукты тоже можно, хорошие. Ну, будет. Идемте! Надо размяться. Встряхнуть *его* хорошенько!.. Идем!

Он встал на ноги. Тут только я заметила, что он одет и обут, как следует.

– Не хочешь ли побороться? – шутя предложил ему князь.

– С тобою-то? – презрительно вымолвил *субъект*, оглянув своим оловянными взглядом коренастого магнетизера. – Спасибо!..

Он схватил его обеими руками повыше локтей, с силою на него напирая, и князь, широкоплечий, здоровый человек, поддался, не мог устоять против напора.

– Николушка! – со страхом промолвил отец.

– Оставьте! – шепнул ему, обернувшись, Дол[гору]кий.

– Много *он* вас услышит! – буркнул в ответ Николушка.

Я посмотрела на него. Разве это было он, Николушка Кан[далин]цев, этот грубый, сильный парень с налившимися на лбу жилами, со стиснутыми зубами. Он, показалось мне, даже вырос и погрубел как-то.

Дол[гору]кий положительно не мог совладать с ним. Не мог – силою; но едва он пристально уставил на него глаза, тот сейчас же заволновался, смутился, опустил руки и стих...

– Ну, пойдем теперь гулять, – согласился князь. И они вышли.

Они более двух часов ходили по саду, по дворам, лазили в овраг, взбирались на вышку. Мы сидели на балконе, издали следя за ними. *Больной* ходил, как здоровенный мужик, то и дело с легкостью кошки влезая на деревья, карабкался на столбы балконов, боролся с дворовыми людьми, сваливая самых сильных лакеев и кучеров. Я, наконец, ушла в дом. Мне сделалось невыносимо смотреть на это: страшно и больно за него.

Я села к столу, ломая голову над виденными чудесами, и собиралась, по обыкновению, записать их в свой дневник, когда меня перепугали отчаянные крики старушки В[ерев]киной. Я побежала к ней и увидела в окно, что Николай стоит, как показалось мне в первую минуту, на воздухе над прудом, а Аграфену Федоровну собравшиеся вокруг нее домашние уговаривают не пугаться, быть спокойной, потому что князь сам смотрит за ним, не даст ему упасть и просит лишь об одном: чтобы никто криком не испугал и не разбудил больного. Приглядевшись, я увидела, что Николенька не стоит на воздухе, а действительно совершает полувоздушное путешествие в нескольких сажнях²⁹ от земли по водосточному желобу³⁰, проведенному от водоподъемного колеса для поливки верхних огородов. Дол[гору]кий стоял внизу и, не спуская с него глаз, следил за его движениями, крепко держа за руку Николая Федоровича, бледного, как мрамор.

Воображаю, что должен был пережить за эти минуты отец!

Николушка подвигался медленно, с тупой улыбкою на лице, глядя не под ноги, а куда-то в пространство, как эквилибрист на канате. Дойдя до того места, где под желобом уже была земля, а не пруд, он сел и, схватившись за один из столбов, поддерживавших желоб, благополучно спустился на землю. Дол[гору]кий тотчас же подошел и, взяв его под руку, повел к дому и заставил лечь в постель, где на другое утро *больной* проснулся снова бессильным, кротким и тихим отроком.

В продолжение нашего пребывания в Войсковичах Дол[гору]кий приезжал несколько раз. Я не берусь описать все чудеса, проделанные им над своим *субъектом*, объяснить же их мне никто никогда не мог. Я никому не поверила бы, если б не видела этого всего своими глазами, а потому не имею право претендовать, если и моим рассказам не поверят. С меня довольно убеждения в

²⁹ Сажень – старорусская единица измерения расстояния, равная 2,13 м.

³⁰ желобу (*устар.*).

моей правдивости: что видела и слышала, – то и передаю на суд всеобщий, не только ничего не прибавляя, но за недостатком места и боязнью утомить подробностями многого не договариваю.

Вот сущность фактов. В общем, казалось, что Николай Кан[далин]цев сам по себе и Николай Кан[далин]цев, усыпленный Дол[гору]ким, – два совершенно разных человека не только по наружности, нравственным и физическим силам и способностям, но и по внутреннему организму. В магнетическом сне он *пожирал* – буквально – то, чего не в состоянии был бы переварить обыкновенный, даже здоровый желудок. Он *пробовал глотками* те лекарства, которые вне магнетического сна приносили ему пользу *каплями*. Я видела, как он во сне легко справлялся с силачами; как намотав на руки вожжи, сидя рядом со своим *укротителем* в легком тильбюри³¹, сам *укроцал* молодых, невыезженных лошадей, с которыми искусный кучер не мог справиться один. Все это я своими глазами видела, также как и то, что на другое утро тот самый мальчик вне влияния магнетизера просыпался до того беспомощным, что не мог встать без посторонней поддержки и настолько бессильным, что с трудом поднимал ко рту ложку. Это факты, которые, вероятно, не затруднятся подтвердить и другие, бывшие им свидетелями.

Я не могу закончить моих воспоминаний об этом времени, не рассказав интересного случая, лично со мною происшедшего.

В последний приезд свой в Войковицы при нас князь приехал с вечера. Он находил удобнее магнетизировать больного рано утром, а потому, приезжая с послеобеденным поездом, проводил с нами вечер в разговорах, благодаря его рассказам, весьма оживленных. Он давно упрашивал меня позволить ему меня магнетизировать, находя, что я должна быть очень способный субъект, но я ни за что не соглашалась. Мы были большие приятели с князем; он уверял, что приходится мне *grand oncle*³² на том основании, что бабушка Фадеева³³ ему троюродная кузина. Бабушка была действительно последней отраслью старшей линии князей Дол[гору]ких и весьма уважаема всеми членами этого старинного рода. Кн[язь] Алексей постоянно беседовал со мною о ней и вообще обо всех моих тифлиских родных; но в тот вечер я была не разговорчива, плохо выспавшись накануне. От всех этих волнений, непрерывного изумления и страха, а может быть и от того, что меня огорчало продлившееся отсутствие мужа, нервы мои крепко расходились. Я страдала бессонницей и находилась постоянно в каком-то тревожном состоянии.

В этот вечер наехало много соседей; уйти рано было бы неловко, а потому я сидела и добросовестно старалась поддерживать общий разговор. Многие гости и в том числе князь выходили курить на балкон, разговаривали там и снова возвращались. Я сидела спиной к балкону. Был теплый, почти душный вечер.

Вдруг я почувствовала, как будто у меня прошла дрожь от затылка по всей спине... Дрожь, а вслед за нею как бы горячая струя по всему телу; сердце как-то замерло и потом учащенное забилось, перед глазами прошел не то чтобы туман, а какой-то пестрый покров ярких кружочков, блестящих звезд и молний.

«Эге! – подумала я. – Видно я простудилась. Как бы только не заболеть тут одной...»

В ту же минуту я почувствовала неодолимую сонливость. Если б я не делала отчаянных усилий, видя перед собою, как сквозь флёр, улыбающиеся лица и боясь, что они надо мною смеются, – я бы, кажется, тут же упала со стула в крепком сне. Но не смотря на всю силу воли, я чувствовала, что не могу долее бороться, что засыпаю...

И я бы заснула, если бы не случилось что-то крайне удивительное!.. Я уже чувствовала ту теплоту, слышала тот приятный звон в ушах, которые всегда являются предвестниками сна, как вдруг какое-то тоскливое, болезненное ощущение защемило мне сердце и я увидела близко, близко над собою два серых, мутных глаза... Я их признала!

В ужасе я вскочила, невольно вскрикнув.

---

³¹ Тильбюри – легкая открытая двухколесная карета, с крышей или без, разработана в начале XIX века лондонской фирмой «Тильбюри».

³² двоюродным дедушкой (*фр.*).

³³ Фадеева Елена Павловна (урожд. Долгорукова, 1788–1860) – ученый-естествоиспытатель, бабушка Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

Произошел общий переполох!.. Все бросились ко мне, кто со спиртом, кто с водою. Поднялись расспросы, успокоения... Оказалось, что князь Дол[гору]кий предательски поступил со мною: он все это время стоял в дверях балкона и меня магнетизировал, сначала многие этого не заметили. Потом увидав, как сон меня одолевает, заинтересовались и с намерением молчали, коварно предав меня на произвол магнетизера и поджидая как спектакля, что из этого выйдет.

Не знаю, что вышло бы из сна, но из преждевременного моего пробуждения вышло то, что я всплила, расплакалась и ушла к себе совсем расстроенная и перепуганная. К величайшему моему счастью, не прошло и десяти минут после того, как я ушла к себе, как раздались поспешные шаги и муж мой вошел в комнату сильно встревоженный. Он вернулся неожиданно, освободившись от дел сутками ранее, нежели думал. Рассказать толком, что случилось, ему не успели и он вошел в полной уверенности, что застал меня больною. По правде сказать, я и не была совершенно здорова, хотя старалась его в этом уверить. Муж мой, впрочем, сам это вскоре заметил. Поняв, что на меня подействовали все «Николенькины чудеса», он обещал, что мы завтра же уедем в Петербург, и очень раскаивался, что оставил меня здесь одну...

Мы действительно уехали на другой день; но утро этого последнего дня не обошлось без происшествия, которое едва ли не было самым замечательным из всех «Николенькиных чудес».

Я сказала выше, что меня привели в себя, перепугав чуть не до смерти, знакомые глаза.

Да! И эти глаза уже давно не давали мне покою!.. Это были *его* глаза. Не кроткие серо-голубые глаза Николушки, больного и безобидного; а те мутные, холодные и твердые, как сталь, глаза, которыми он смотрел на всех во время своего загадочного сна. Они меня положительно преследовали!.. *Us me hantent*³⁴. В особенности тяжело бывало мне от них перед сном, они все мелькали передо мною, когда я засыпала. Стыдно сознаться: в комнате, где я спала, висел старинный портрет масляными красками какого-то прадедушки хозяев. Прежде я его не замечала; но как-то вечером, взглянув на него, я содрогнулась: мне показались его глаза *похожими*. Как у многих портретов взгляд его, казалось, следовал за вами, где бы вы ни стояли. Я не могла переносить этого взгляда и закрыла портрет платком...

Муж мой тотчас заметил этот черный платок, висевший трофеем, и пришлось ему рассказать. Разумеется, он смеялся над моею трусостью, но его насмешек я не боялась.

На следующее утро я сама стала просить его пойти к Николеньке, который уже давно был приведен в магнетическое состояние. Все еще подсмеиваясь над моими «преувеличениями» и «страхами», муж согласился. Мы вошли в самый процесс *кормления*, который возбудил в нем улыбку недоверия, как и во мне когда-то. Но если бы он только мог представить, что случится, то, вероятно, не улыбался бы так скептически, глядя на своего кузена.

Хотя я знала и видала уже все, и ясновидение Николая, и прочие чудесные проявления его магнетического состояния, но когда он, оставил кушанье, поднял вдруг на меня взгляд, *тот самый* взгляд, и, хихикая, закивал мне своей взъерошенной головою, признаюсь, у меня захолонуло сердце!

Но что же случилось со мною, да полагаю и с мужем, когда Николай вдруг поднялся и обратился прямо ко мне:

– Испугалась вчера, когда я заглянул на тебя, – заговорил он своим отвратительным голосом. – Зачем закричала?.. Я был уже тут. *Я бы вошел и в тебя*, да жаль, не успел!..

Он вдруг решительно направился к нам. Не понимаю до сих пор, как я, проникнутая убеждением, что всякое резкое движение или крик могут пробудить больного и повредить ему, могла удержаться, чтоб не вскрикнуть. Муж мой успел только отчаянно прошептать: «Князь!..» Долгорукий уже был возле Николая и схватил его под руку в то самое время, как я храбро ретировалась за спину мужа.

Больной или тот, кто действовал за него (меня никто не уверит, что это он сам!), только резко засмеялся и сказал:

---

³⁴ Они овладевали мною (*фр.*).

– Закрывает портрет!.. Боится!.. Да разве это портрет смотрит?.. Это я смотрел на тебя, я!.. И что ты не делай, я, когда захочу, всегда буду смотреть на тебя...

Но слушать долее я решительно не была в состоянии. Муж поспешно вывел меня из комнаты на чистый воздух в сад, где я узнала в первый раз в жизни (и благодарение Богу, кажется, и в последний!) все прелести, если не истерики, то чего-то весьма ей сродного.

В тот же день мы оставили Войсковицы. Предсказание, слава Богу, не сбылось: впечатление от страшного взгляда мало-помалу изгладилось и я его больше не видала.

Магнетизм временно принес облегчение Кан[далин]цеву, но, вероятно, не вполне излечил он сам себя прописываемыми во сне средствами. Вся короткую жизнь свою он был такой же болезненный, страдал непонятными недугами, скорее душевными, чем телесными, и лет через пять ознаменовал свое совершеннолетие тем, что покончил с собою, застрелился. Слава Богу, что случилось это уже после смерти Николая Федоровича. Чувство неприязни, почти ненависти к Дол[гору]кому Николя никогда не мог превозмочь в себе.

III

Прошло три года. Я жила снова в Тифлисе у своих родных, приехав к ним погостить на то время, как муж мой, занимаясь делами своего дяди Кандалинцева, должен был провести всю зиму в глуши, в лесах Ветлуги, куда я, ожидая рождения своего второго ребенка, не могла за ним следовать. Он выехал из Тифлиса осенью 1857 г., а весной должен был вернуться, но во мне, сама не знаю почему, было предчувствие, что мы более не увидимся... Быть может, такому предчувствию способствовала случайность, сильно повлиявшая на мое суеверие. В день отъезда его в Мцхете, первопрестольной столице Грузии, в 21 вер[сте] от Тифлиса, были торжественные похороны одной из грузинских царевен. Поехав его провожать, мы то и дело встречали возвращавшихся с погребения священников... Конечно, это была случайность, недостойная внимания благоразумных людей; но я в то время была слишком молода и впечатлительна и к тому же не совсем здорова.

Я вообразила, что умру в родах. Но Бог судил иначе...

Телеграфов, железных дорог и пр[очих] усовершенствований тогда еще на Кавказе не было. Письма шли неделями, а во время снежных завалов в горах запаздывали по месяцам. Прошла зима, наступил февраль; я ждала мужа со дня на день, но срок, им назначенный, прошел, а его не было. Не было и писем... Я страшно мучилась неизвестностью и своим темным предчувствием беды... Она в то время уже постигла меня, но известие о ней дошло к нам только в начале марта. 10 февраля у меня родился сын; 15-го – муж мой скончался на дороге в Саратовской губернии, смертельно простудившись на рубке леса. Словно охраняя меня от удара, вынести который я была бы не в силах, случайные снега и завалы задержали несколько почт, и это дало мне время оправиться от болезни, укрепиться. Впрочем, я была готова к страшному известию – меня предупредил о нем сон.

Для объяснения его я должна сказать, что до тех пор я имела привычку особенно усердно молиться Богородице обо всем касавшемся земных благ. Начиная с половины февраля у меня при молитве о здоровье и благополучном возвращении мужа начало проявляться какое-то странное, необъяснимое чувство ее пустоты и бесцельности, точно, казалось мне, я произносила пустые слова без смысла, удовлетворения которым быть не могло. Это чувство с тех пор осталось присущим мне навсегда в подобных случаях и постоянно предупреждает меня о смерти близких людей, если я, не зная, молюсь о них как о живых. Но в то время я не могла понять, что оно значит? Мне, однако, было очень тяжело!..

В начале страстной недели я собиралась говеть и, как теперь помню, с понедельника на вторник, встревоженная страшным сном, виденным одной из наших дворовых женщин, я молилась Богородице с глубоким отчаянием в душе. В понедельник вечером эта женщина, знавшая меня ребенком, имела неосторожность рассказать мне, что она видала во сне, будто муж мой въехал к нам во двор на тройке белых лошадей, но вместо ямщика ими правил факельщик в

траурном плаще и широкополой шляпе... Утомленная слезами, я в ту ночь заснула только утром под гнетом тяжелого горя.

И вдруг увидала себя в необозримом, пустом поле среди серого, холодного сумрака. На сердце моем была все та же тяжесть, что и наяву: я и во сне помнила, что мне надо молиться о благополучном возвращении мужа, и молилась горячо, когда, взглянув на бесцветное небо, увидала над собою Божью Матерь... Она смотрела на меня с невыразимой скорбью и лаской. Я стала на колени и простерла к ней руки, ожидая Ее утешения... И вдруг от Нее на меня снизошел луч света и по этому лучу я видела, как слезы Пречистой Девы тихо катились, упавая мне прямо на сердце... Эти слезы не сулили мне радости, не утешали и не обнадеживали меня, но я чувствовала, что вместе с ними в мою возмущенную душу снисходило великое, торжественное спокойствие. Я проснулась со словами: «Да будет Твоя святая воля!»

С той ночи я была убеждена, что не увижусь более с мужем на земле, и весть о его кончине не застала меня врасплох, неприготовленной...

Следующей осенью я возвратилась с двумя моими сыновьями в Россию и хотела сейчас же переехать на житье в свою деревню в Новоржевский уезд; но родные покойного мужа упростили меня перезимовать у них. В эту зиму я была свидетельницей многих изумительных фактов спиритического характера; но говорить о них я не стану, чтобы не повторять рассказанного недавно на страницах «Ребуса» в статье «Правда о Е.П.Блаватской»³⁵. В этой «Правде» автор не упомянул только, что хотя все считали явления, происходившие в присутствии Е[лены] П[етровны], следствием присущей ей медиумической силы, сама же она всегда упорно это отрицала³⁶. Сестра моя Е.П.Блаватская³⁷ большую часть десятилетия своего пребывания вне

---

³⁵ Желиховская В.П. Правда о Е.П.Блаватской // Ребус, 1883, №40–41, 16 октября – 23 октября; №43–44, 6 ноября – 13 ноября; №46–48, 27 ноября – 11 декабря.

³⁶ О медиумизме Е.П.Блаватской более точно и определенно пишет Е.И.Рерих:

«Ведь и Е.П.Бл[аватская] была сильнейшим медиумом, но с помощью В[еликого] Вл[адыки] она превозмогла в себе эту опасность и стала тем, что мы называем медиатором. Но все же даже ей пришлось бороться с возвратами медиумизма. Но поручение ее было настолько велико и трудно, что Вел[ико]му Уч[ителю] пришлось избрать для этого особый медиумистичный организм, который облегчил бы ей миссию ее и в то же время позволил бы находиться в окружении людей без страшной опасности огненного пожара и мучительной смерти. Почти никто не представляет себе той опасности и тягости, которые испытываются человеком с открытыми центрами среди дисгармонического окружения» (Рерих Е.И. Письма. Том VII (1940–1947 гг.). – М.: Международный Центр Рерихов, 2007. С. 356–357);

«Конечно, В[еликие] Уч[ителя] пользовались центрами Блаватской, чтобы протолкнуть новое знание. Она иногда говорила под воздействием нескольких Учителей и в разном напряжении их Лучей. Блаватская была совершенно исключительным медиумом, ставшим медиатором под воздействием В[ладыки]. Пользуясь ее центрами, для вящей убедительности Они набрасывали Майю Облика говорившего через нее Учителя. <...>

Простые медиумы открыты для пользования их телами развоплощенными духами, часто очень низкого развития и даже преступным элементом среди них, и в этом страшная опасность медиумизма. Но Блаватская находилась под Лучами В[еликого] В[ладыки] и не могла, конечно, оявиться ни с кем другим. Е.П.Блаватская была духом исключительно мощным и высоким, принявшим медиумистическое тело для лучшего подхода к людям, и стала жертвой невежества окружавших ее людей. Ярые убили ее своим недоверием и преследованиями и не дали ей закончить ее миссию» (Рерих Е.И. Письма. Том IX (1951–1955 гг.). – М.: Международный Центр Рерихов, 2009. С. 336–337).

«Когда ее называли “медиумом”, – говорила В.П.Желиховская, – Блаватская смеялась и говорила, что она не медиум, а только медиатор – посредник между умершими и живыми...» (Нэф М.К. Личные мемуары Е.П.Блаватской. М., 2009. С. 160).

«...Медиаторы – те же медиумы, но они отличаются большими накоплениями психических способностей на протяжении прошлых жизней» (Рерих Е.И. Письма. Том VIII (1948–1950 гг.). – М.: Международный Центр Рерихов, 2008. С. 306);

«Он [медиатор] становится очищенным от всех астральных вторжений и открыт только для вибраций высших» (Рерих Е.И. Письма. Том IX (1951–1955 гг.). – М.: Международный Центр Рерихов, 2009. С. 150).

«Медиумизм измеряется качеством ауры, которою личность окружена. Она может быть плотной, облачной, зловонно тошнотворной и ядовитой для чистого духа и может привлекать только тех гадких существ, которые в ней чувствуют себя прекрасно, как угорь чувствует себя прекрасно в мутных водах; или же она может быть чистой, хрустальной, прозрачной, опаловой, как утренняя заря. Все зависит от нравственности медиума.

Вокруг таких людей, как Аполлоний, Ямвлих, Плотин и Порфирий собирался этот небесный нимб. Он был выработан силою их собственных душ в тесном согласии с их духом сверхчеловеческою нравственностью и

России провела в Индии, где, как известно, спиритическая теория в большом презрении и так называемые у нас медиумические явления объясняются там совершенно иными причинами, таким источником, черпать из которого сестра считает унизительным для своего человеческого достоинства, почему и не признает в себе этой силы³⁸. Но как бы там ни было, какова бы ни была сила, производившая явления, но в продолжение времени, проведенного мною вместе с сестрой Еленой у Я[хонто]вых, явления эти происходили постоянно на виду у всех, веривших им и не веривших, и всех повергали в изумление.

Ранней весной я отправила детей в свое имение Ругодево, а сама осталась еще на несколько дней у родных мужа. В это время свекор мой Николай Александрович Я[хонтов] серьезно заболел, и мне не хотелось оставлять его. Отец мой и сестра тоже уехали с детьми в мою деревню, а через несколько дней последовала за ними и я, так как в этот промежуток времени старик Я[хонтов] скончался.

Я считаю необходимым в этом правдивом рассказе упомянуть о его смерти именно потому, что и она сопровождалась необыкновенными явлениями. Всю ночь накануне на чердаке собственного одноэтажного дома Я[хонто]вых шло необычайное движение. Такой был гул и стук, точно по потолку катали колеса, или бросали бомбы, или бегали десятки ног... Несколько раз посылали туда людей с фонарями осмотреть, узнать, в чем дело. Разумеется, ничего не оказывалось, люди возвращались ни с чем, а мы, домашние, продолжали в недоумении прислушиваться к стуку... К утру возня успокоилась; но с наступлением сумерек началась снова, хотя уже слабее и стихла вполне только перед самой кончиной Николая Александровича, к одиннадцати часам. Замечательно при этом, что над комнатой умирающего и в смежных к ней шуму почти не было слышно. Он весь сосредоточивался в одной стороне обширного дома, над девичьей и моей комнатой. Словно неведомые двигатели заботились о больном и не хотели нарушать спокойствия его последних минут.

Поселившись у себя в деревне, мы попали как бы в какой-то волшебный мир и до того свыклись с необъяснимым передвижением мебели, перенесением из одного места вещей в другое и вмешательством в нашу будничную жизнь какой-то неизвестной разумной силы, что вскоре стали смотреть на нее как на нечто весьма обыкновенное, часто не обращая почти никакого внимания на такие факты, которые поражали других как чудеса.

Поистине привычка – вторая натура!.. Отец наш, такой крайний скептик, так искренно заявлявший, что он позволит себя свезти в сумасшедший дом, если когда-нибудь поверит, что столы вертятся, летают или прирастают к полу по желанию присутствующих, теперь целые дни и часть ночей проводил в беседах «с Елениными духами». Они сообщали ему множество подробностей из жизни его предков, графов Ган фон дер Роттер-Ган³⁹; предлагали научить, как найдти и доказать право на утраченный титул, и рассказывали порой такие интересные легенды и забавные анекдоты, что и верующие их правде, и неверующие не могли не заинтересоваться ими.

святостью их жизней; он был подкреплен частыми внутренними экстатическими созерцаниями. К таким святым людям чистые духовные влияния могли приближаться. Излучая кругом атмосферу божественной благодати, они обращали в бегство злых духов. Те не только не могут существовать в их ауре, но даже не могут оставаться в ауре одержимых, если тауматург применяет свою волю или даже только приближается к ним. Это есть **медиаторство**, а не медиумизм. Такие люди являются храмами Бога Живого; но если этот храм оскверняется допущением в него злой страсти, мысли или желания, то медиатор впадает в сферу колдовства. Дверь открыта; чистые духи уходят и врываются порочные. Это все еще медиаторство, хотя и медиаторство зла; колдун, подобно светлomu магу, формирует свою собственную ауру и подчиняет своей воле близких ему по духу низших духов» (*Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. М., 2011. Т. 1. С. 657–658*).

Рерих Елена Ивановна (1879–1855) – философ, ученый, общественный деятель.

³⁷ Секретарь Общества теософов в Индии. – *Примечание редакции журнала «Ребус».*

³⁸ По письмам сестры мне известно, что она осталась очень недовольна многим из рассказанного о ней автором статьи «Правда о Е.П.Блаватской». Она утверждает и теперь, что влияла на нее тогда, как и ныне, совсем другая сила, – та, которой пользуются индийские мудрецы Радж-Йоги. Что даже тени, которые она видала всю свою жизнь, были не привидения или призраки отшедших, а явления этих всесильных друзей ее в их астральной оболочке. – *Примечание В.П.Желиховской.*

³⁹ Hahn von Rottenstern-Hahn (нем.).

Мы так привыкли к их прямым ответам на мысленные вопросы, они так разумно (если не всегда правдиво) отвечали нам, что мы перестали, наконец, и дивиться. Очень часто случалось так, что сестра была занята чтением или чем-либо другим, от чего мы не хотели отвлекать ее, а я, отец или гувернантка меньшей сестры⁴⁰ преспокойно беседовали мысленно с нашими невидимыми собеседниками, записывали молча буквы азбуки, при которых раздавался ответный стук в столе или стенах, а потом уже сообщали ответы присутствующим, если выходило что-либо заслуживавшее внимания. Помню, как раз я имела таким способом замечательный разговор на станции в Святых горах, где находится могила Пушкина, в то время как сестра преспокойно спала. Мне были рассказаны вещи, о которых, положительно, в целом мире знала только я одна, да еще один старик, много уже лет проживавший в своей далекой деревне. Я не видала этого господина лет шесть; сестра же не имела о нем никакого понятия, мы познакомились с ним года через два после отъезда ее из России. В этой беседе мне названо было его имя, фамилия и название деревни, где он жил, на мысленный вопрос: «Где тот, который любил меня больше всех на свете?..» Понятно, кого и что я подразумевала.

Получив неожиданно давно забытое имя, я пришла в недоумение, потом вознегодовала и, наконец, так расхохоталась, что разбудила сестру... «*Чем вы докажете, что не лжете?*» – спросила я. «*Вспомни второй том сочинений Байрона⁴¹!*» – было мне ответом. Я обомлела!.. Никто никогда не знал и я сама давно забыла, что, присылая мне для чтения английских классиков, этот господин, годившийся мне чуть не в деды, вздумал написать мне письмо с предложением «руки и сердца» и вложить его в томик Байрона... Разумеется, собеседники мои, кто бы они ни были, зло подшутили надо мною, но всезнание их блистательно доказывалось этим ответом.

Удивительно, что наши молчаливые беседы с проявлявшей себя в присутствии сестры разумной силой удавались лучше во время ее сна или же болезни. Раз один доктор – новичок, никогда у нас прежде не бывавший, – до того испугался стука и движения в ее комнате в то время, как сестра лежала без чувств, что сам чуть не упал в обморок. Такие трагикомические сцены случались у нас нередко, но почти все наиболее замечательное из нашей непродолжительной совместной жизни с сестрой было уже рассказано на страницах «Ребуса» за 1883 г. Мне остается только как свидетельнице их подтвердить все *факты*, но только факты, – не касаясь ни их происхождения, ни причины, и затем упомянуть еще о некоторых необъяснимых явлениях, о которых я слыхала от других, сама же их не видала. Все наши домашние беспрестанно видели, часто среди белого дня, какие-то неопределенные тени, скользившие по комнатам, иногда являвшиеся в садах, в цветнике, у старой часовни. Отец мой, Леонтина, гувернантка меньшей сестры, много раз рассказывали, что видели их совершенно ясно. Кроме того, Леонтина часто находила у себя в запертом комоды или сундуке какие-то таинственные письма, заключавшие ей одной известные тайны, плакала, носилась с ними по неделям, и я обязана заявить, что раз или два события оправдали то, что в них предсказывалось. Но вот еще факт, глубже запечатлевшийся в моей памяти.

Раз утром отец вышел к утреннему чаю сам не свой. Я испугалась его расстроенного вида и бледности, думая, что он болен, но он отклонил мое подозрение.

– Я не болен, но расстроен сильно, это правда! – сказал он. – Я не спал всю ночь... С вечера еще, едва я лег, *ко мне пришла твоя мать*... Она села в ногах моей кровати и мы с ней долго *говорили*.

– Вы говорили с маменькой?! – переспросила я, глубоко пораженная. – О чем же?.. В каком виде она вам явилась?..

– В каком виде?.. Поверишь ли, что я не умею теперь сказать в каком виде?!. Знаю только, что то была *она*, сама *она*!.. Я увидал ее вдруг. Она смотрела на меня спокойно и ласково. Когда я приподнялся, чтоб броситься к ней, она протянула руку, прося не трогать ее. Я был так поражен, что ничего не мог рассмотреть и запомнить!.. Знаю только, что видел ее, что говорил с ней!

– И голос был ее?

---

⁴⁰ Елизавета Ган.

⁴¹ Байрон Гордон (1788–1824) – английский поэт.

– И голос, и лицо, и манеры – все ее! Все, даже до привычки – разговаривая хмурить брови! Я видел ее самою, я в том вполне уверен.

Но рассказать, о чем они говорили, отец не мог или не хотел, хотя уверял, что помнит все до слова... Несколько раз впоследствии он выражал желание и надежду снова увидеть призрак моей давно умершей матери, но этого более не случилось.

Мне остается рассказать из того времени еще один случай, в другом роде, но не менее замечательный. В моей дворне была одна молоденькая, бойкая девушка Ольга. Я считала ее очень доброй и честной девушкой, никак не предполагая, чтобы она была виновницей в часто повторявшихся у меня пропажах мелких вещей. Наконец, пропало что-то довольно ценное, на что нельзя было не обратить внимания, и оказалось по всем уликам, что вещь украдена Ольгой. Я позвала ее и долго уговаривала вначале с глазу на глаз признаться мне, повиниться... Видя, что никакие просьбы и увещания на нее не действуют, я призвала тех, кто ее обвиняли. Их было трое: гувернантка, ключница и другая горничная Маша. Вошла вместе с ними и сестра. Все доказывали с уверенностью, что вещь взята и спрятана Ольгой. Она божилась и клялась, что нет... Происходило это ярким, тихим весенним утром в моем угловом, просторном кабинете во втором этаже дома, выстроенного 50 лет тому назад чуть ли не из мачтового лесу. Окно в сад было открыто, в него лились потоки света и веселое щебетание птиц. Возле окна в углу высоко висел образ Св. Николая Вешнего в окладе, но без киота⁴². В пылу своих уверений девушка вдруг взглянула на образ и, как иступленная, начала креститься и клясться:

– Да если я это взяла, – неистово кричала она, – да накажи меня Св. Николай Чудотворец!.. Да не сойти мне с этого места! Да разрази меня Никола Угодник! *Лопни глаза мои!* Издохни я сейчас, как...

Она не закончила...

В углу, в самой иконе или под ней, раздался удар, подобный выстрелу.

Рука Ольги, поднятая для крестного знамения, упала. Она отскочила и, вся позеленев, косилась со страхом на образ. Мы все вздрогнули и испугались. Прошла минута тяжелого молчания... Все смотрели на икону чего-то ожидая, но ничего не случилось кроме того, что Ольга повалилась мне в ноги, шепча:

– Я взяла! Я украла!.. Я! Я! Я!..

– Я это знала! – сказала я. – Твои сундуки обыскали еще сегодня утром, как и сундуки всех девушек. Они сами об этом просили... Только ты одна не знала, что пропажа уже найдена в твоих вещах. Не мне кланяться, а Господу Богу! Молись, чтобы Николай Чудотворец не наказал тебя за такую ложь и великий грех!

Ольгу пришлось чуть не вынести на руках: у нее тряслись ноги так, что она еле доплелась до девичьей.

Но этим удивительным стуком дело не кончилось. Вечером Ольга не пришла в комнаты для обычных приготовлений в моей спальне. Я спросила, что с ней?

– Больна, – отвечали мне. – Жар сильный.

Я подумала, что это вследствие испуга и волнения; но оказалось не то. Можно себе представить как глубоко все были поражены, когда на другое утро у Ольги *вместо глаз* оказались два сплошных красных пузыря... Она, кроме того, была без памяти.

Послали в Новоржев за доктором. Он объявил, что у больной на глазах рожа. Болезнь очень редкая и опасная тем, что легко бросается на мозг. В продолжение шести недель несчастная девушка была между жизнью и смертью, а в течение нескольких месяцев жила под страхом ослепнуть. Мы все за нее измучались!.. Жаль было глупую девчонку!.. Наконец, она поправилась. Опасность миновала, но зрение ее вряд ли совершенно окрепло. По крайней мере, еще чрез несколько лет я слышала, что глаза у нее очень слабы.

Надо думать, что она уже во всю свою жизнь не давала лживых показаний или, по меньшей мере, не кричала при этом: «*Лопни глаза мои!*..»

---

⁴² Образ этот и ныне у меня в комнате, где я пишу эти строки. – *Примечание В.П.Желиховской.*

IV

Начав этот рассказ прямо с моей юности, с событий, наиболее поразивших мое воображение, я вспоминаю теперь, что и ранее того со мной бывали странные вещи, которым, вероятно, тоже суждено остаться необъясненными. Так, например, с самого детства, с первой же болезни, оставшейся в моей памяти, я помню *видение*, впоследствии постоянно предупреждавшее меня о моих болезнях. Наяву или во сне я видала его?.. Вероятно, во сне. Но всегда одно и то же и такое живое, что впечатление его осталось во мне ярко, хотя лет с восемнадцати оно уже более не повторялось. Один умный человек – моя воспитательница, которой я многим обязана⁴³, приучила меня лет с десяти постоянно вести свой дневник; благодаря этой привычке, я все хорошо помню и могу подтвердить справедливость моих воспоминаний за многие годы. Так нахожу в воспоминаниях своего детства, что мне было всего пять лет, когда я впервые увидела среди своей детской, где я спала уже несколько часов, высокого серого человека, судя по клобуку, монаха. Он стоял неподвижно, весь светло-серый, будто бы полупрозрачный, словно сотканный из дыму и, подняв кверху руку с прямо открытой ладонью, как бы указывал на потолок или небо, но глядел в сторону... Ночник, горевший за лежанкой, бросал на него довольно яркий свет, а от него по полу длинную, черную тень...

Помню прекрасно, что в другие его появления тень эта, смотря по положению света, меняла направление; но сам он никогда не менялся и не изменял ни позы, ни неопределенного взгляда. «Монах» или «серый человек», как я его называла, для меня был символом болезни. В тот первый раз я опасно заболела крапивной лихорадкой и потом болела много и всегда перед болезнью видела своего «монаха». Он мне принес и воспаление мозга, и корь, и горячку, и злую лихорадку, и снова воспаление мозга... В последний раз мы с ним виделись, когда мне было семнадцать лет. Не знаю, что с ним случилось? Зачем он исчез с моей жизненной тропинки и почему перестал предвещать мне недуги?.. Быть может, я еще его увижу?.. Хотя перед тем последним недугом, которым мне суждено покончить свои земные расчеты и недоумения.

Мне много раз случалось видеть сны *пророческие* и сны *правдивые*. Последними я называю те, которые буквально сбывались в жизни. Так, например, лет шесть тому назад, живя в Тифлисе и никак не предполагая, что года через три, четыре уеду в Одессу, я видела во сне комнату *до мельчайших подробностей* именно ту, в которой мне пришлось первое время жить в Одессе... Но не буду забегать вперед.

Не знаю, во сне ли тоже или *когда-нибудь* где-то наяву я видывала местности, которые потом также *до мельчайших подробностей* узнавала в таких местах, где бывала *в первый раз в жизни*... На свете «всяко бывает», говаривала одна знакомая мне старушка, «у кого бывает, что воробей от земли не отлетает, а у другого бывает, что и медведь под облака взлетает!». Так говорила моя знакомая; но я такого мнения, что в жизни каждого человека непременно найдется хотя один «летающий медведь». У меня их или им подобных диковинок было немало; и я так думаю, что только сильно поверхностный, невдумчивый человек может, взобравшись на житейскую гору и до ее обратного склона, не видеть на ней ничего, кроме скачущих по земле воробьев... У всякого, самого прозаического человека найдется непременно в жизни *нечто*, «не снившееся мудрецам». Все дело только в умении легче или труднее подмечать это нечто. Подтвержу это примером.

Мне случилось недавно горячо спорить целый вечер с одной дамой, упорно утверждавшей, что «все *это* чушь, ерунда, одно воображение или бабьи сказки!». Мне надоело спорить и я замолчала, вслушиваясь в довольно интересный рассказ одного из присутствовавших о загробном явлении, почерпнутый, впрочем, не из личного опыта. Вдруг моя дама-скептик лениво процедила:

– Ну! Такие-то штуки, пожалуй, со всеми бывали... Вот и *со мной*...

---

⁴³ Антония Христиановна Кюльвейн (см.: *Желиховская В.П.* Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг. // Русская старина, 1887, №3).

И sur ce⁴⁴ дама рассказала весьма недюжинную историю: как ее отец в минуту смерти явился к ней и заявил о своей кончине в третьем лице:

«Маша! – сказал он. – *Такой-то* (назвав свою фамилию) сейчас умер... Ты не пугайся и не плач...»⁴⁵

– И чтобы вы думали? – заключила дама. – Я вскочила с постели (дело было ночью), бегу к отцу и застаю его мертвым!

– Так как же вы спорите, что ничего *такого* не бывает? – набросились мы на нее. – Что может быть удивительнее такого видения?..

– Да, пожалуй, – флегматично протянула дама. – *А все-таки это все глупости!*..

Что прикажите отвечать на такую логику? Однако возвращаюсь к своим *доподлинным* диковинкам.

Первые факты «из ряду вон», представляющиеся вслед за этим моему воспоминанию, относятся к позднейшим годам моей жизни. Не то чтобы в промежутке не было со мной ничего замечательного в таком же роде, но я боюсь останавливаться на мелочах в их хронологическом порядке, чтобы не утомить внимания. Упомяну только один сон из числа *правдивых*. В 1860 г. я снова поехала в Тифлис, а в 1862 возвратилась на короткое время в Псков и Ругодево. Я тогда только что вышла замуж вторично. Муж мой⁴⁶ был молодой, энергичный человек без всяких средств к жизни, кроме своих недюжинных способностей, но на хорошей дороге с большими надеждами на служебную карьеру. В то время я была проникнута убеждением в его сильной воле и уверена, что он совершенно здоров, – здоров физически и нравственно. Я приехала в деревню повидаться с отцом, уговорить его переехать к нам в Тифлис, рассчитывала пробыть в Пскове недолго и, беспрестанно получая письма, была совершенно спокойна за мужа и за жизнь свою вообще.

В первую же ночь по приезде в Ругодево я увидела сон, от которого проснулась в ужасе, о котором двадцать лет спустя вспоминала со страхом и тоскою, в особенности, когда увидела, что он начинает как бы сбываться...

Я видела, что иду по трудной, узкой дорожке, среди бесплодных скал и камней. Мне было страшно, тяжело! Ноги мои были избиты; голову давил какой-то удушливый туман. Кругом была

---

⁴⁴ вслед за этим (*фр.*).

⁴⁵ «Настал день 1 мая, гулянье в Сокольниках, день превосходный, солнечный, теплый; мы вздумали вывезти отца за город на несколько часов; условились, чтобы я воротился из университета к часу, и мне помнится, как будто отец, встав поутру в этот день, говорил нам, что во сне кто-то ему сказал очень внятно: “Слышал ли, что Иван Иванович Пирогов умер?”. Не берусь решить наверное, слышал ли я это из уст самого отца, как мне кажется, или узнал после из рассказов от домашних.

Радостно я уходил в университет в надежде, возвратившись, тотчас же поехать с отцом за город; грустно было мое возвращение, – и теперь, 56 лет спустя, сердце ноет, когда привожу на память, что я увидел, возвратившись домой.

Что-то зловещее чувлось мне, когда я приближался к дому. У ворот стояло несколько человек и ворота были отперты; слышался шум и беготня. Меня забыли или не могли предупредить. Чужая что-то недоброе, я пробежал чрез двор в сени и переднюю, и лишь только отворил дверь в большую комнату (залу), мне представился стол, а на столе – темно-багровое, раздутое лицо отца, окаймленное воротником мундира; у меня закружилась голова, сердце сжалось, ноги подкосились, и я упал на руки к подбежавшим ко мне сестрам.

Одна из них рассказала потом мне, что не более как за час до моего прихода она подала отцу ложку с лекарством; он сидел на стуле, и лишь только поднес ложку ко рту, как побагровел, захрипел и повалился со стула. *Aroplexie foudroyante* <Апоплексический удар, *фр.*>» (*Пирогов Н.И.* Вопросы жизни. Дневник старого врача. Иваново, 2008. С. 186).

Пирогов Николай Иванович (1810–1881) – хирург, педагог, философ-космист.

⁴⁶ Желиховский Владимир Иванович (?–1880) – педагог, преподаватель естественных наук Тифлисской губернской гимназии (1855–1863), преподаватель математики Закавказского девичьего института (1856–1863), заведующий учебной частью женского учебного заведения св. Нины в Тифлисе (1859–1866), инспектор Тифлисского военного училища (1863–1865), директор Тифлисского женского училища 1-го разряда (1865–1868), директор Тифлисской классической гимназии и училищ г. Тифлиса (1868–1874), окружной инспектор Кавказского учебного округа (1875–1878), чиновник, причисленный к Главному управлению Кавказского наместника (1878–1880), статский советник, муж В.П.Желиховской.

полутьма, среди которой моя трудная дорога едва виднелась все в гору и гору... Я еле передвигала ноги, но чувствовала, что не могу остановиться! Что должна взбираться выше и выше.

И вдруг я очутилась в небольшой, почти пустой, незнакомой комнате. Кто-то сидел передо мною в большом кресле, весь в белом, исхудалый, бледный, с лицом, изможденным страданием... Ужас и невыразимое отчаяние были на лице этого несчастного человека, которого я не сразу признала. Он протянул ко мне беспомощные, дрожащие руки и отчаянно прошептал: «Вера! Вера!.. Молись за меня!..» Тут только в этом странном призраке я узнала своего мужа.

Я вскрикнула и проснулась вся в холодном поту. Когда почти двадцать лет спустя долгая болезнь моего мужа заставила его решиться поступить в больницу, войдя в первый раз в его небольшую комнату, куда перевезли его вещи и некоторую мебель, я остановилась на пороге, пораженная воспоминанием: *это была та самая комната*, которую я видела в своем пророческом сне! И муж мой, точно такой же бледный, слабый, измученный, одетый весь в белое, сидел в своем высоком кресле и протягивал мне беспомощно руки...

Кто показывает нам такие картины из нашего далекого, неведомого будущего?..

Болезнь моего мужа, трудное время, пережитое моей семьей в продолжение ее, и, наконец, его смерть, вероятно, и были те тяжкие жизненные испытания, та *«темная река»*, которую предсказывал мне когда-то старый мой приятель Липхардт.

Как уже было мною сказано, наша семья действительно представляет исключительное явление в отношении так называемых «сверхъестественных» фактов. Я не считаю себя вправе рассказывать подробно о случаях с другими ее членами, но могу смело заявить, что я в ней не исключение⁴⁷. На мою долю выпало много необъяснимого с точки зрения узкого, земного кругозора. Именно – узкого, ничтожного в природе кругозора, как ничтожна капля воды в великом океане... Мне приходит на память слово моего покойного дяди Р.А.Фадеева, одно из многих тысяч его удачных, картинных сравнений.

Это было недавно. Уже совсем больной сидел он и слушал чтение одного из наименее достойных внимания возражений на последние статьи о спиритизме, не помню, чье именно. Кто-то заметил, как детски неумелы эти возражения...

– Как же вы хотите, чтобы было иначе? – возразил дядя. – Ведь это все равно, что ожидать шири и правды от человека, который задумал бы в темную ночь описать вселенную по кружку света, падающему на землю от его фонаря!..

И воистину так! Бедные, слепые пигмеи! Единственно возможная великая заслуга наша должна состоять в том, чтоб искренно и свято заявлять всегда *одну правду!* И как мало людей пользуется честно этим полезным для науки и нравственности правом; а какое множество покушаются на вполне бесполезные толки и препирательства о том, что для нас грешных темная вода в облаках Божьего всемогущества.

В нашей семье почти не было примеров, чтоб потеря близких лиц не была нам возвещена так или иначе заранее. Некоторые из этих предупреждений могут быть сочтены скептиками только случайностями, – но ведь это всегда так говорится! Вот одна из этих *случайностей*. Я была в Киеве в 1860-м году, когда в Тифлисе скончалась бабушка моя Е.П.Фадеева. К величайшей тревоге моей я уже несколько дней ощущала, когда о ней молилась, то странное чувство недостаточности, пустоты молитвы, о котором говорила выше. Это меня очень пугало, но я молчала, боясь напрасно встревожить тетку⁴⁸. Раз она встала сама, очень испуганная вещим сном о своей матери... Тогда и я призналась, что мне не по себе, и мы отправились в Лавру отслужить молебен. Но и во время заздравного молебна я не могла молиться, как ни старалась себя настроить!.. В горе и тревоге стояла я на коленях пред иконой Божией Матери, и, наконец, пришел мне на ум отчаянный вопрос:

«Господи! Да как же мне молиться о ней?»

---

⁴⁷ См.: Письмо В.П.Желиховской к А.С.Суворину от 19 октября 1883 г. // http://art-roerich.org.ua/sites/default/files/blavatska/V.P.Jelihovski_Letters12.pdf

⁴⁸ Н.А.Фадеева.

В эту минуту священник возглашал: «Еще молимся о здравии и долгоденствии боярыни Елены!..»

«Не так! Не так!» – словно шептало мне что-то. Но я боялась выговорить перед самой собою те слова, которыми хотелось мне молиться за мать моей матери... В отчаянии я чуть не громко воскликнула: «Пресвятая Богородица! Научи меня, как молиться?» Я подняла глаза на образ... Первое, что мне бросилось в глаза, были слова:

«*За упокой!*»

Они были вырезаны на плоском ободке висевшей перед иконой Божьей Матери лампы.

Через несколько дней на возвратном пути в Тифлис мы прибыли в Одессу. Там нас встретил дядя Ю.Ф.Витте⁴⁹, нарочно приехавший к нам на встречу с известием о бабушкиной кончине⁵⁰.

Согласимся со скептиками: *это* может быть случай. Но вот три, даже четыре, подобных факта из моей жизни, в которых, кажется, мудрено заподозрить *случайность*.

Привожу эти четыре случая из моей жизни, в которых нельзя допустить одну лишь случайность:

Семь лет спустя скончался дед мой А.М.Фадеев⁵¹. Мы это лето проводили в Манглисе, штаб-квартире Эриванского полка в 40 [верстах] от Тифлиса. Я с семьей переехала оттуда в город 25-го августа; родные мои должны были приехать два дня спустя. 28 августа вечером я была занята приведением в порядок квартиры и в особенности моей комнаты, когда слух мой поразили знакомые звонкие и сухие удары в стены, в ставни (мы жили во втором этаже), в мебель... Изумленная звуком этих ударов, слишком знакомых мне со времени жизни с сестрой, я слушала не доверяя ушам. Стуков этих я не могла смешать ни с чем! Я бы узнала их, кажется, среди целого хаоса звуков. Вместе с тем я знала, что они со времени отъезда сестры Елены никогда не раздаются даром в нашей семье... Понятно, что я обмерла от страха. Чтоб это значило?.. Откуда ожидать горя?.. Ни на минуту мысль моя не остановилась на семье моей матери. Я только что оставила их всех совершенно здоровыми! Сегодня или завтра они должны были сами вернуться с дачи. Я в это самое утро была у них в доме, чтобы передать некоторые приказания и знала, что их ждут, что все благополучно.

Между тем роковые удары пощелкивали да пощелкивали свое *memento mori*⁵² по всей комнате и, наконец, сосредоточились в восточном углу, у киота с образами...

Не доверяя себе, я призвала свою горничную Машу. Она была из ругодевских людей моих, хорошо знала также звук этих медиумических ударов. К величайшему смущению моему она тотчас же их услышала и признала... Признала их и сестра моя Лиза⁵³, в то время уже семнадцатилетняя девушка, только что вышедшая из института. Хотя она была ребенком во время нашей жизни в Ругодево с сестрой, но прекрасно помнила эти стуки... Она им удивилась и сильно испугалась, как давно небывалому явлению. Я сказала ей, что у меня они бывают очень редко, почти никогда, и, к несчастью, исключительно как предвестники какой-нибудь катастрофы.

– Но что же может случиться?.. Не с отцом ли? – недоумевали мы с нею.

Отец жил все еще в Петербурге. На нем, понятно, сосредоточились наши опасения. Но мы ошибались.

---

⁴⁹ Витте Юлий Федорович (1814–1868) – директор департамента государственных имуществ Закавказского края (с 1857 г.), муж Е.А.Витте (с 1844 г.).

⁵⁰ Е.П.Фадеева умерла 12 августа 1860 года (см.: Кавказ, 1860, №63, 14 августа).

⁵¹ Фадеев Андрей Михайлович (1789–1867) – государственный деятель, тайный советник (1858), управляющий конторой иностранных переселенцев (Екатеринослав, 1817–1834), член комитета иностранных поселенцев Южного края России (Одесса, 1834–1837), главный попечитель кочующих народов (Астрахань, 1837–1839), управляющий палатой государственных имуществ Саратова (1839–1841), гражданский губернатор Саратова (1841–1846), член Совета главного управления Закавказского края (Тифлис, с 1846 г.), управляющий экспедицией государственных имуществ при главном управлении Закавказского края (Тифлис, с 1850 г.); дед Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

⁵² помни о смерти (*лат.*).

⁵³ Елизавета Ган.

Стук, не давший нам покою всю ночь, усилился к утру до того, что ни муж мой, ни его сестры, жившие с нами, не могли спать. Все мы ходили как в воду опущенные, уныло ожидая, что будет. *Кто на очереди?..*

В восемь часов утра послышался топот лошади. Я бросилась на балкон, заранее уверенная, что это вестник. Действительно, это был один из людей фадеевской дворни. Увидав меня, он, не въезжая во двор, остановил лошадь под балконом и закричал:

– Большое несчастье, Вера Петровна! Генерал Андрей Михайлович померли!

Дедушка почувствовал себя нездоровым на другой день после моего отъезда из Манглиса, но, желая скорее быть в городе, 27 августа выехал тоже оттуда. На полдороге, в поселении Приют, пришлось остановиться, потому что ему стало очень дурно. К утру он скончался, исповедавшись и приобщившись Св. Тайн⁵⁴... Замечательно, что за два месяца перед этим, проездом на лето в Манглис через Приют⁵⁵, дедушка, остановившись в этом самом крестьянском домике, где всегда останавливался уезжая, сказал хозяйке.

– Ну, до свидания, старуха! Еще свидимся. *Может на обратном пути умирать к тебе заеду!*

Чем были вызваны такие странные, вещие слова?.. Никто не знает этого, но они были сказаны и сбылись буквально.

Еще два раза в жизни была я предупреждена о смерти моих близких посредством медиумических самопроизвольных звуков. Ровно восемь месяцев спустя в мае 1868 г. я с сестрой и мужем вернулись раз вечером от родных очень поздно, оставив всех совершенно здоровыми и спокойными. Семья их в то время состояла из моей старшей тетки и мужа ее Ю.Ф.Витте с детьми и меньшей тетки Н.А.Фадеевой. Дяди Ростислава Андреевича Фадеева уже не было в Тифлисе. Мы жили тогда очень близко от них в огромной казенной квартире с массивными стенами и дверьми, – именно в здании гимназии, которой муж мой был директором. Едва мы легли спать, как началось по всем нашим комнатам непонятное движение: сотрясались окна, дрожали двери, будто в них кто-либо врывается, стучали в них замки, а знакомый, роковой стук не умолкал над головой моей, у образов!..

Муж мой уже было заснул, но я в испуге его разбудила. Он сначала стал было смеяться, сваливать все на мое воображение, но дело было слишком очевидно: как отрицать стуки и движения настолько сильные, что перебудили всех домашних?..

Опять и на этот раз в неопisanном страхе сошлись мы все: сестра, Маша и я, стали рассуждать, что ж это такое?.. Кому снова так скоро пришел черед?! И опять мысли наши останавливались на наших *далеких* близких: на моем отце, на сестре Елене, на дяде Ростиславе, на брате моем Леониде Ган[е]⁵⁶. На всех, одним словом, кроме того, чей час был уже близок, хотя мы только что его оставили веселым, спокойным среди своей семьи!.. Опять наши предположения оказывались неверны, – как почти все предвидения людские!.. Напрасно муж мой успокаивал нас убеждениями совсем не убедительными; напрасно он нам доказывал, что массивные двери и окна сотрясаются порывами ветра, – в эту тихую, майскую, неподвижную ночь! Напрасно он усердно прохаживался по комнатам, запирая задвижки, затыкая щели, связывая и затягивая между собою тяжелые дверные ручки, – они все-таки стучали, скрипели и двигались, словно смеясь над его усилиями!.. Да мы и сами над ним смеялись, сквозь слезы. Так продолжалось до трех часов утра. К рассвету прекратилось движение, прекратился и стук. Мы, наконец, могли заснуть и улеглись, но ненадолго. В седьмом часу утра нас разбудили ужасным известием: дядя мой, Ю.Ф.Витте, найден мертвым в постели⁵⁷.

---

⁵⁴ А.М.Фадеев умер 28 августа 1867 года (см.: Кавказ, 1867, №68, 31 августа).

⁵⁵ А.М.Фадеев несколько лет был управляющим государственными имуществами на Кавказе. Поселяне все его знали и любили. Из Приюта его провожала толпа народа до самого города. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁵⁶ Ган Леонид Петрович (1840–1885) – брат Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской, мировой судья 2-го участка Ставропольского уезда (1869–1876), присяжный поверенный округа Тифлисской судебной палаты в Ставрополе (1881–1883), присяжный поверенный Тифлисского окружного судьи (1884–1885).

⁵⁷ Ю.Ф.Витте умер 31 мая 1868 года (см.: Кавказ, 1868, №63, 2 июня).

Это был неожиданный и тяжелый удар семье и всем нам, горячо любившим этого прекрасного, честнейшего и добрейшего человека, нежданно вырванного из жизни, в которой он был так нужен, так полезен!

Та же история повторилась в 1873-м⁵⁸ году в комнате, которую я занимала на даче в Манглисе. Это было в июле месяце. Большого шума не было, но стук явственно слышала я, муж мой, Маша и дети. Впрочем, об этой потере я была заранее предупреждена тем же обычным мне чувством бесполезности моей молитвы об отце. Так что когда на другой день утром я увидела, что муж прячет от меня телеграмму, я во всеуслышание при всех сказала:

– Дай сюда! Я знаю, что там: отец умер⁵⁹!

И это было так. Он тоже неожиданно скончался, проболев всего три дня в Ставрополе, где жил с сестрою и братом, своими меньшими детьми⁶⁰. Вот факты. Так как я называю года, места и живых людей, то имею право надеяться, что самые недоверчивые люди не будут иметь возможности обвинить меня в «сочинительстве».

V

Я должна вернуться теперь к весьма замечательному происшествию, бывшему со мной раньше. Весной 1867 г. я ездила в Петербург, чтобы привезти сестру Лизу, кончившую курс в институте. Разумеется, я не преминула заехать и в вечно милый мне Псков, где, несмотря на всю пережитую в разлуке жизнь, и теперь еще найдутся у меня друзья. Тогда же их было еще много!..

Самыми дорогими из всех я считала семью П[альчиков]ых, состоявшую из четырех сестер, из которых одна была вдова, а три – старые девы⁶¹. Но что это были за милые, умные, образованные и приветливые женщины! Я, как и многие другие, не знала лучшего удовольствия, как бывать в их деревне Щиглицах верстах в 25 от Пскова при устье р. Великой. Какое прекрасное место, что за виды с широкой террасы и из сада, сбегаящего по крутизне к реке на Псковское озеро, по которому плавно идут пароходы, скользят парусные лодки!.. Их светлый, уютный, просторный дом всегда гостеприимно вмещал в себя много друзей и посетителей. Он был в этом сходен с сердцами своих владелиц, умевших вместить в себе много честных чувств и много горячих привязанностей.

Как искренне я была опечалена, узнав, что старшая сестра Анна Петровна недавно умерла! Как-то странно было представить себе щиглицкий дом, щиглицких хозяек – без нее! Казалось, они должны были, осиротев, представлять из себя нечто вроде красивого здания – без крыши, храма – без купола!.. Да оно так и было. Несмотря на радостный привет, которыми меня встретили на подъезде, на веселый, оживленный говор трех сестер, я тотчас же увидела, что на всем доме еще лежит траурная печать, гнетет долу вся и всех великое горе, скорбь, не успевшая притупиться!..

Не прошло и десяти минут, как разговор сам собой обратился на вечную тему воспоминаний о дорогой, незабвенной отшедшей. Не скрывая слез, милые мои старушки пустились рассказывать мне о ее последних днях на земле. Потом перешли к ее жизни, вечно деятельной на пользу других, чистой, как лазурь той реки Великой, на которой она вся прошла!.. Я и сама с ними искренно поплакала. И сама готова была вспоминать и расспрашивать без конца о ее последних годах. Так мы проговорили неустанно до полночи. Это был поздний час для рано встававших сестер. Мы простились.

– А мы вас и не спросили! – спохватилась старшая вдова. – Вам не будет неприятно спать в комнате Анюты? В ней все так и осталось, как было, уютно и удобно...

---

⁵⁸ В текст ошибочно указан 1875 год.

⁵⁹ П.А.Ган умер 15 июля 1873 года.

⁶⁰ См.: Письмо Е.П.Ган к Е.П.Блаватской от 18 октября 1873 г. // Адырский архив, №12-Sh7-6.

⁶¹ Речь идет об Ольге Петровне Гиллейн-фон-Гембиц, жене генерал-майора Карла Осиповича Гилейн-фон-Гембица, Анне Петровне, Елизавете Петровне и Екатерине Петровне Пальчиковых (см.: Новикова Н.Н. Имение Щиглицы Псковского уезда и его владельцы // Псков, 2004, №21).

– О, нисколько! – отвечала я с убеждением. – Что же может в этом быть для меня неприятного? Вы знаете, какие мы были с ней друзья.

– Да... Но вы нам писали, помните, что и у вас иногда бывали эти спиритические явления? – заметила другая сестра.

– А разве там бывает что-нибудь подобное? – спросила я, не совсем приятно удивленная.

– О, нет! Никогда! – поспешили меня уверить.

– Горничная покойной сестры говорила, что слышала там как-то стук... Вот такой же, как бывало у вашей сестрицы, – добросовестно прибавила Екатерина Петровна, самая младшая. – Но ведь вам это не в диковинку! Вы не испугаетесь?..

– Не испугаюсь; но лишь бы не так громко, чтоб помешать заснуть.

Сказать по правде, сестры слишком много рассчитывали на мою «привычку». Усталой еще с дороги и от слез, бессонная ночь мне совсем не улыбалась.

Впрочем, две старшие сестры наперерыв начали укорять Екатерину Петровну в ее доверии к болтовне прислуги и уверять меня, что ничего подобного нет и быть не может в комнате, где так свято жила и столько молилась их дорогая усопшая.

Мы простились, но Екатерина Петровна вошла со мной, и мы еще с полчаса побеседовали с нею.

– Чуть что, – сказала она мне, уходя, – пожалуйста, не церемоньтесь. Моя комната, вы знаете, рядом. Постучитесь и мы поменяемся спальнями.

Она ушла, но вскоре затем вошла в комнату старушка-горничная, давно мне знакомая.

– Вы не спите, Аграфена? – сказала я. – Уже поздно! Идите, пожалуйста!.. Вы мне совсем не нужны.

Но к удивлению моему Аграфена объявила, что со времени смерти «старой барыни» она всегда спала тут, за перегородкой на диване.

– Если вам, сударыня, не противно, так я и теперича...

Я поспешила сказать, что, напротив, очень рада. Я, в самом деле, была довольна, что возле меня за ситцевой занавеской будет находиться живое существо.

И так она улеглась. Некоторое время, пока я раздевалась, мы с ней переговаривались кое о чем, вспоминая прошлое.

Пробило час.

Аграфена сладко зевнула и я умолкла.

Вокруг меня все вещи и мебель покойной стояли точно в том же порядке, как и при ее жизни. Проведенные мною здесь с нею часы еще так были живы в моей памяти, что мне так и казалось, что вот-вот она войдет или раздастся ее добрый, веселый голос... Так думала я, умываясь, расчесывая волосы, вынимая из моего несессера некоторые вещи, без которых я не умела обходиться, и между прочим маленькое свое, заветное Евангелие, которое бывало здесь и в прежние годы. Я положила его на ночной столик, на *ее* ночной столик, готовясь, прежде чем лечь на *ее* постель, помолиться у *ее* киота...

«А что? Испугалась бы я, если б увидела *ее*? – вдруг вошло мне в голову. – Думаю, что *нет*...»

Вдруг, точно в ответ на мою мысль, в ночном столике Анны Петровны явственно раздались три резких, отчетливых удара, словно кто крепко простучал ногтем. Я знала, что это значит: да! да! да!.. Я не испугалась, но отступила от столика изумленная, в недоумении⁶².

«Неужели это... *ее* ответ?..»

«Нет-нет! Нет-нет!..» – в ту же секунду раздались сразу с нескольких сторон отрицательные, двойные удары.

В ту же минуту я услышала, как за перегородкой поднялась Аграфена.

---

⁶² Надо заметить, что описываемый факт случился ранее рассказанных мною прежде. В то время я не имела еще повода бояться значения этих знакомых мне стуков. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Невидимые деятели словно будто этого только и ждали! Стуки начали раздаваться во всей комнате и даже за ее стенами, в ставни, в оконные стекла, везде и отовсюду. Удары были не громкие, но резкие, точно кто выбивал дробь маленькими палочками во всех углах и на все лады.

«Эге!.. Это плохо! Не дадут заснуть!..»

– Вот еще напасть какая! Что ж это такое?.. – как бы в ответ на мою мысль раздался шепот горничной.

– А что?.. Разве прежде этого не бывало? – спросила я.

– Было как-то раз... А потом ничего не стало слышно... А это что же?.. Совсем нехорошо!

Аграфена поднялась. Осмотрела все стены, ощупала окна и столы, заглянула ко мне.

– Вам, сударыня, не боязно?

– Боязно-то, не боязно, положим. Да только спать нельзя!

– Вот в том-то и дело!.. Как же тут быть?.. Аль сбегать в сад посмотреть?.. Ишь их как в ставни отколачивает... Что за диво?!

– Диво, действительно диво, но в сад ходить не зачем, ведь ничего не увидишь!.. Может и так уgomонится. Давай-ка лучше помолимся, да ляжем, Аграфенушка, авось заснем!

Мы так и сделали. Я сама не молилась: не могла еще собраться мыслями, но я явственно слышала, как Аграфена усердно крестится, кладет поклоны и шепчет: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его»...

Но «врази», словно стараясь доказать, что они совсем не то зловерное начало, к которому причисляла их мысленно Аграфена, и не думали исчезать. Напротив! Они, словно ей на смех, забарабанили еще чаще, еще громче, еще, если можно так выразиться, веселей!.. Так бедняга шептала, шептала молитву и, наконец, заснула под их дробь и трели.

Но я не могла заснуть!

Тысячи мыслей наполняли мою голову. Я стояла перед образами, облитыми тихим сиянием неугасимой лампы, и думала, думала... Что это?.. Зачем это?.. Кому это нужно?.. Кто этим руководит?.. Положим там, где призывают, где есть медиум... Наконец, ради какой-нибудь цели, со смыслом – чтоб убедить кого-нибудь или в чем предупредить... Но так – ни с того, ни с сего?.. Мешая спать, пугая иных, – всем досаждая!.. Зачем это допускается?

И вдруг я возмутилась духом.

«Ведь это *не она*?.. Не может быть, чтобы она, – такая добрая, разумная, деликатная! Чтобы она сама или с ее согласия... Нет, нет!.. Но если *не она*, если она не знает, что творится в этом месте, где она провела всю свою земную жизнь, – я *хочу*, чтоб она услышала, увидела! Чтобы *ее волей прекратился этот шум!*..»

Я встала одушевленная необычайным приливом воли и начала усердно молиться. Я была уверена, что эта «недостойная кутерьма» сейчас же должна будет прекратиться!

И она действительно начала утихать... Удары становились все слабее, будто уходили вдаль и, наконец, замерли... Я помолилась как всегда, быть может, несколько горячей обыкновенного и снова задумалась.

Задумалась я глубоко, устремив пристальный взгляд на озаренные, колебавшиеся светом иконы, совсем забыв о времени и о том, что я стою на молитве. Передать моих мыслей я не умею! Знаю лишь то, что все они сводились к одному:

«*Точно ли любовь переживает все?.. Отшедшие видят ли, понимают ли, любят ли нас, живых?..*»

Я так углубилась в свои мысли, что не сразу отвлек меня от них раздававшийся за мною шорох. Услышав его, я не только не испугалась, а даже в первую минуту не обратила на него внимания...

Шорох послышался снова, явственней.

Мне показалось, что за моей спиной кто-то открывает книгу, точно шелестит листами...

Только я опомнилась, повернулась назад от киота к кровати и увидела, что на ночном столике лежит *открытое* уже Евангелие... В изумлении, с сильно бьющимся сердцем подошла я,

взглянула в открытую страницу и первая строка, бросившаяся мне в глаза, служила прямым ответом на мои думы.

«...Бог не есть Бог мертвых, – но живых⁶³!» – прочла я.

Я заснула поздно в эту ночь, но спала спокойно. Последней мыслью моей на сон грядущий было:

«Вот *это* ее дело? Это сделала *она!*»

И я до сих пор так думаю и твердо в это верю. В свое время случай этот был мною рассказан всем моим близким. Сестры П[альчи]ковы узнали о нем в то же утро. Раньше еще, чем я поднялась, рассказ Аграфены о непонятных ночных стуках сильно смутил богобоязненных старушек; но когда я рассказала им заключительные подробности этой замечательной ночи, они немного успокоились, вполне разделив мой взгляд на все происшествие.

VI

Еще несколько воспоминаний о «необъяснимых» фактах моей богатой ими жизни.

Осенью 1872 г., числа и месяца не помню, мы с мужем сидели в двенадцатом часу вечера в столовой за большим обеденным столом и читали газеты и журналы. Большая лампа ярко освещала с потолка эту длинную, высокую комнату. Окон в ней не было, но семь больших дверей, из которых четыре стеклянные. К одной из них, в мою комнату, я сидела спиной; против меня была дверь в комнату старших сыновей моих⁶⁴, а оттуда был ход в бесконечные гимназические коридоры. К ней спиной, как раз против меня, сидел муж, углубившись в газеты. Три двери – направо от меня, налево от него – были широко открыты: одна в сад, другая, против нее, в гостиную, где не было огня, а в поперечной стене была дверь в кабинет, освещенный только светом с улицы да нашей лампой. Стояла ясная, теплая, тихая ночь. Гостиная была залита потоками лунного света в открытые настежь окна. Мы спешили окончить чтение, чтоб успеть еще пройтись по саду. Весь дом уже спал. Все было так тихо, что говор с улицы долетал до нас явственно чрез пустую гостиную и мерно отдавались шаги прохожих по плитам тротуара. Но когда они умолкали, воцарялась полная тишина.

В одну из таких минут затишья мы с мужем вдруг оба переглянулись и разом вскочили.

– Александр Борисович! – вскричали мы вместе.

– Да, он!.. Верно, подъехал к подъезду.

– Нет, мне показалось из сада!

– Сад заперт!.. Наверное, с улицы.

Муж мой бросился через свой кабинет в переднюю отворять двери. Я побежала к закрытому окну гостиной, откуда был виден наш подъезд. Глазам моим представились сразу вся освещенная луной улица, вся площадь между гимназией и дворцом, вот и все... Кое-где виднелись силуэты прохожих, но ожидаемого экипажа у крыльца с нашим дорогим приезжим из Ставропольской губернии нигде видно не было...

Еще вся проникнутая убеждением, что наш друг А.Б.Иваницкий⁶⁵ приехал, я закричала мужу, появившемуся на подъезде:

– Вот видишь! Я говорила, что он в саду!

И бросилась от окна обратно в столовую к садовым дверям. И в саду все было тихо и пустынно...

---

⁶³ Матф. 22, 32.

⁶⁴ Яхонтов Федор Николаевич (1855 – до 1922) – оружейный мастер, владелец оружейной мастерской во Владикавказе, старший сын В.П.Желиховской.

Яхонтов Ростислав Николаевич (1858–1924) – кавалерийский офицер, генерал-майор (1917), сын В.П.Желиховской.

⁶⁵ Иваницкий Александр Борисович (1811–1872) – горный инженер.

Я вглядывалась пристально в тень, бросаемую домом на эту сторону сада, соображая, не прошел ли Александр Борисович из сада прямо через кухню?.. Но в таком случае он должен был уже подняться из нижнего коридора на лестницу.

Все еще уверенная в его приезде, – могла ли я в нем сомневаться, когда я так ясно слышала его своеобразный, громкий, веселый голос, – я побежала во внутренний коридор, где была лестница, вниз, к кухне, в сени... Дверь в сад была заперта, лампа слабо освещала коридор, но люди уже все спали.

Я поднялась обратно в столовую в сильном недоумении. Муж мой стоял у стола, опустив руки и голову, крепко задумавшись. Мы посмотрели друг на друга молча.

– Нигде? – наконец, промолвила я.

Он покачала головой.

– Я обошел сад и двор. Все заперто... Это что-нибудь... не то.

– Да... Что ты слышал?

– Я слышал явственно голос Иваницкого: «Владимир Иваныч! Здравствуйте!..»

– Ну, а я слышала: «Здравствуйте, Вера Петровна!..»

– В одну и ту же секунду?.. Это странно!

– Да... Странного на свете много... Будем ждать.

Ждать нам пришлось недолго. На другой день приехал к нам брат нашего старого приятеля Петр Борисович⁶⁶ просить, чтобы в гимназической церкви была отслужена официальная панихида по его брату Александру⁶⁷. Только что была получена телеграмма, что он скончался накануне вечером в своем имении Ставропольской губернии⁶⁸.

Я никогда не видывала привидений, но несколько раз случалось мне видеть совершенно отчетливо и ясно какие-то странные *тени*, которые порой оказывались пророческими. Не стану говорить обо всех, расскажу об одной. Это было зимой 1876 г. Мы только что перешли из гимназии на частную квартиру. Раз, поздно вечером, дети уже спали, а мы с Машей (из горничной, давно переименованной в няни и даже в члена семьи) спешили кончать какую-то работу в единственной большой и не занятой спальнями комнате, в нашей гостиной. Вдруг, подняв нечаянно глаза на противоположную⁶⁹ стену, я увидела на ней поразительно отчетливый силуэт мертвого ребенка, лежащего на столе со сложенными пухлыми ручонками...

Я сначала испугалась. Но потом сообразила, что у меня уж нет таких маленьких детей, и стала искать, от *чего* могла падать такая странная тень?.. В комнате было много мебели: сообразить это было довольно трудно. Между тем моя перепуганная Маша усердно просила уничтожить *это*, расстроить такое действительно неприятное зрелище. Мы начали с ней усердно передвигать мебель, приминать и перекладывать вещи на столах и уничтожили этот странный эффект света и тени... Но не далее как через несколько месяцев, весной того же года, мы увидели его опять. Только на этот раз он не образовался нечаянно, а падал от действительно лежавшего на столе ребенка.

Сестра моя Лиза неожиданно приехала погостить ко мне с своим мужем и десятимесячным сыном, и бедный крошка, заболев дифтеритом, умер в течение недели. Совершенно случайно его положили так, что войдя в комнату, я была поражена воспоминанием: на той же самой стене я увидел повторение *тени*, предшествовавшей событию.

Был у меня дорогой друг. Человек, какие в жизни встречаются единицами. Добрый, умный, честный до педантизма; снисходительный ко всем, кроме самого себя; прямодушный до крайности, чуткий ко всему, болезненно развитый. Понятно, что жизнь такому человеку не могла быть ласковой матерью. Впрочем, сам он никогда не считал себя ею обиженным и добродушно брал от нее с благодарностью то малое, что она ему давала. Он далеко не был безбожником, даже

---

⁶⁶ Иваницкий Петр Борисович (1819–1882) – полковник.

⁶⁷ А.Б.Иваницкий много лет управлял горной частью на Кавказе. Брат его Петр Борисович и теперь там служит.

– *Примечание В.П.Желиховской.*

⁶⁸ А.Б.Иваницкий умер 25 ноября 1872 года.

⁶⁹ противоположную (*устар.*).

строго исполнял всю обрядовую сторону православия; но не был и вполне стойким человеком в вопросах, собственно, веры. Излишняя добросовестность в служебных трудах окончательно подорвала его слабое здоровье. К сорока годам Дмитрий Ильич уже был, что называется, «не жилец». Между им и моим мужем существовало близкое родство; мы видались ежедневно, и чуть, бывало, выберется у него денек полегче он сам приходил к нам и любил, особенно в последнее время своей жизни, заводить со мною отвлеченные разговоры, как он, бывало, шутя называл их: «о Байроне и о материях важных»⁷⁰!..

– Вы счастливый человек!.. – говаривал он обыкновенно в заключение беседы. И тут же, спохватившись, скептически добавлял. – Если только вы искренни!..

Я никогда не брала на себя труда уверять его в этом. Я только улыбалась в ответ на такое *оскорбление*, очень хорошо зная, что Д[митрий] И[льич] не может считать меня лицемеркой.

Но раз, было это дня за два до его смерти, он лежал уже в постели, а я сидела возле него, он снова серьезно повторил свой вопрос.

– Скажите мне по истине: вы точно так думаете и чувствуете, как говорите?.. В вас нет сомнений? Вы *во все это* твердо верите?..

Минута была торжественная.

Мы были с ним одни. Жена его и старшая дочь, утомленные бессонными ночами, прилегли. Меньших детей в доме не было; все домашние ушли ко всенощной: была страстная неделя. В это утро, собрав последние силы, бедный больной исповедался и даже вышел для этого в свою гостиную, где, сидя в кресле, причастился. В такой обстановке необдуманные ответы не даются. Я постаралась сосредоточиться, подумать, углубившись в себя, и через минуту отвечала по своему крайнему разумению:

– Мне кажется, что я могу не бояться более сомнений... Я надеюсь на это!.. Я чувствовала бы себя слишком несчастной и уже совсем беспомощной против жизни, если б еще и эта опора отнялась у меня!

– А вас успокоило бы, если б вам было послано *удостоверение*?.. Что-нибудь такое, что ясно подтвердило бы ваши надежды на будущую жизнь и все, что вы в ней предполагаете?

– Да, конечно! Хотя я и без того уверена...

– Хорошо... *Если вы правы, – даю вам слово постараться дать вам подтверждение*... Вы ведь знаете, – нам с вами что же лицемерить, – и мне и вам отлично известно, что мне осталось жить несколько дней...

– Во-первых, – прервала я, – никто не знает ни дня своего, ни часа! А во-вторых, – я постаралась улыбнуться, – вам известно, какая я трусиха! Я совсем не хочу, чтоб вы приходили меня пугать. Пожалуйста, не беспокойтесь!..

Но шутливый тон мне не давался. Больной прервал серьезно:

– Перестаньте!.. Что за вздор? Будто я не сумею вас побережь?.. Не бойтесь: найду средство напомнить этот разговор, не испугав вас... *Если только останусь там самим собою*, обещаю дать вам ответ на наши главные три вопроса!..

– Хорошо. Буду ждать!.. – согласилась я, улыбаясь, чтоб не заплакать.

– Нет! Вы лучше не ждите: может, помешают! – прибавил он добродушно. – Но... я попытаюсь!

Он взял мою руку.

– Хорошо было бы... Я б и сам рад! Что ж не такой же я грешный человек, чтоб бояться будущей жизни?

– Надо думать, что и грешнейшим, чем вы, лучше в той жизни, чем здесь! – сказала я.

– Ну... Дай Боже!.. По правде сказать, трудно!.. Надоела эта борьба... Вечная борьба всего человечества за... *аттестат зрелости*⁷¹, на поступление в неизвестные, «высшие курсы»! –

⁷⁰ Слова из комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума».

⁷¹ В.П.Желиховская в письме к Н.А.Фадеевой от 8 октября 1890 г. повторяет эти слова: «На днях видала я хороший сон, меня подбодривший. Уж очень давно не видала я Вали, а это мне нужно, как вода жаждущему. Я даже молилась, чтоб ему позволено было показать мне участие, и благодарю Бога, что он был допущен. Ты знаешь, что я

сказал он с улыбкой, пародируя мои слова и мнения о неизбежности всяких жизненных испытаний.

Я не стану, да и не могу рассказывать нашего предыдущего и последующего разговора – последнего моего задушевного разговора с этим задушевым человеком! Достаточно сказать для ясности, что то, что он называл «*нашими тремя главными вопросами*», о которых мы не раз с ним беседовали, засиживаясь втроем – я, муж и он – за полночь, была, разумеется, жизнь будущая, сохранение индивидуальности за гробом, бессмертие любви с христианской точки зрения и великий смысл искупления человечества на кресте.

В страстной четверг, в ночь, Д[митрий] И[льич] скончался.

Мы с мужем много потеряли со смертью этого человека, в нравственном отношении. Его же семья *все* потеряла! Оставались маленькие, не пристроенные дети, больная жена... Положение было тяжелое, тем более что, как все люди высшего нравственного закала, он ничего не оставил семье, кроме пенсии.

Прошло несколько месяцев. Под влиянием личных печалей я совершенно забыла все, не только слова Д[митрия] И[льича], но чуть ли и сам он не отошел на десятый план в моих помыслах. Кончалось лето, и мы уже собирались вернуться обратно в город с манглисской дачи, тем более что шли непрерывные дожди, мешавшие пользоваться прогулками по прелестным лесам и горам. Это было вообще печальное лето! Я едва сняла траур по отцу; муж мой болел все чаще, и было уже видно, что болезнь его принимает серьезный, угрожающий характер. В конце лета выпало несколько особенно тяжелых, тоскливых дней!.. Я изнывала от опасений и чувствовала себя тем более несчастной, что из всех моих близких, родных и друзей никого возле меня не было! Семья моя по матери после смерти деда и дяди совсем оставила Тифлис. Брат и обе сестры тоже были далеко. Приятели как-то разбрелись... Кто умер, кто уехал, кто просто отдалился, как обыкновенно удаляются люди от тех, красные дни которых прошли!.. Такие повороты в жизни своих ближних добрые люди всегда чутьем угадывают и незаметно сторонятся... Чем эти «ближние» были счастливей, веселей, гостеприимней; чем более «добрые люди» привыкли пользоваться от них теплом и светом жизни, – тем вернее все от них отшатнутся, когда вокруг них сгустятся сумерки! Тем полнее почувствуют внезапную перемену и свое полное одиночество в годину испытаний подпавшие «под крепкую руку Божию»... Одним словом, я была совсем одна! Дети были еще слишком малы, и вокруг себя я не видала никого, с кем бы я могла отвести душу, облегчить свое горе!.. Ради спокойствия семьи и в особенности ради здоровья мужа я старалась, насколько могла, все скрыть в себе, делать *bonne mine à mauvais jeu*⁷², но подчас становилось не по силам вести постоянную внешнюю борьбу с жизнью, с врагами нашими (людьми, которых муж мой, по доброте своей, вытаскивал из грязи и которые, как это всегда бывает, на него же обратили свои змеиные жала!) и вместе с тем бороться внутренне с самой собою!.. Как всегда в больших и, как нам самим кажется, незаслуженных испытаниях тяжело бывает, покоряясь им поневоле, поладить при этом с своими собственными возмущившимися чувствами!.. Как мучительные призраки, как вечно гложащие за сердце пиявки в виде черных вопросительных знаков, в отуманенных мыслях восставали болезненные вопросы: «*Зачем?! За что?! Будет ли конец?! Взойдет ли солнце правды? Осенит ли нас когда-нибудь снова милосердие Божие?!*»

Да! Трудные были для меня дни. После стало легче; улеглось! Но в начале, с непривычки, было тяжело порою до того, что я не знала, что с собой делать! Откуда почерпнуть сил и доводов *против себя самой?*..

Несколько дней выдалось особенно тоскливых. Муж мой, болея, хандрил ужасно, и природа заодно с ним хмурилась, разливаясь потоками дождя, укутывала нас непроглядными туманами,

---

всегда говорю и с ним много раз так говорила, что жизнь наша *здесь – экзамен на получение аттестата зрелости в будущую, вечную жизнь*» (Желиховская В.П. Письма к Н.А. Фадеевой и Е.А. Витте (1883–1895) // http://art-roerich.org.ua/sites/default/files/blavatska/J._NAF3.pdf).

Валя – Валериан Владимирович Желиховский (1866–1888), сын В.П.Желиховской, студент института путей сообщения, умер 20 мая 1888 года в Одессе от скоротечной чахотки.

⁷² хорошую мину при плохой игре (*фр.*).

словно саваном. В одну ночь я легла поздно, раздраженная, возмущенная до глубины души; но едва голова моя коснулась подушки, я сразу заснула.

Переход от сознания к глубокому сну был так быстр, что мне показалось, будто я совсем не сплю, а вдруг очутилась у какой-то стеклянной двери, прижавшись к ней лицом... Вглядевшись, я узнала: это была стеклянная дверь в нашей бывшей гимназической квартире, где прошли лучшие годы моей жизни! Та самая дверь из моей спальни в столовую, возле которой я года четыре тому назад слышала голос покойного Иваницкого... Хорошо!.. Но зачем я здесь опять?! Я прекрасно помню, что задала себе во сне этот вопрос и тут же почувствовала неодолимое любопытство посмотреть в нашу бывшую столовую... Я приподняла хорошо знакомую зеленую занавеску и припала к стеклу... Что за диво. Это совсем не наша столовая... совершенно другая комната, но... какая знакомая! Я всматривалась, соображала и вдруг вспомнила. Ба!.. Да это комната покойного Дмитрия Ильича. Нет только кровати, на которой он умер, а вот его стол, его соломенное кресло, портреты на стене... Даже мелочи на столе, бумаги... Но нет, они исчезли! Письменный стол его чист и сукно будто на нем новое, ярко зеленое, и... что это?!

Я смотрела и не верила своим глазам. Я вполне ясно сознавала, что ведь он умер, – а между тем *вот он!* Он стоял за *своим* столом и смотрел на меня пристально и ласково... Как наяву почувствовала я, как сердце у меня забилося сильно и часто. Неужели я его испугалась?.. О, нет! Я отворила быстро дверь и бросилась к нему. Но он протянул руку и повелительно сказал: «Не подходите!..»

Я остановилась, не сводя с него глаз.

Он медленно приподнял из-за стола другую руку и так же медленно, печальным и глубоким взглядом, смотря на меня, опустил ее на чистое сукно стола.

«Вот... здесь... *все!*» – услышала я.

Призрак стал медленно отодвигаться, не шевелясь ни одним членом и продолжая ласково на меня смотреть, уходил будто в стену, бледнея... ступенькаясь... По мере того как он отдалялся, я подходила к столу, на котором *что-то* лежало.

«Правда!.. Ваша правда!!! – услышала я его замиравший голос. – Скажите Владимиру... чтоб знал!..»

Голос, *его* голос умолк и самого его не стало! Не стало *видно*, – но он был тут, возле меня. Я уверена в этом также твердо, как и в том, что он подтвердит мне это когда-нибудь сам.

Я стремительно бросилась к столу, к оставленным им мне вещам.

Это была зеленая (цвет надежды) небольшая ладонка⁷³ и в ней три вещи, три *символа*: якорь; сердце в кольце из змеи, кусающей свой хвост; крест с распятием на нем.

Надежда, любовь в вечности, вера в распятого Христа.

«Здесь *все!*» – сказал он.

Да, тут было все! Три ясных ответа, обещанные им на три «наших главных вопроса». Для меня это означало, что он из-за гроба сказал мне: «Надейся на вечную любовь и бессмертие чрез веру в даровавшего тебе их Спасителя». Так я истолковала себе этот сон. И как в пору приснился он мне!..

Как отрадно мне думать, что в нем высказалась забота обо мне, понимание моего душевного настроения, *живая* любовь ко мне этого умершего *телом* друга!..

Грешный человек! Только этот сон напомнил мне, как давно я не видала семейства Д[митрия] И[льича]. Они жили тоже на Манглисе, но в другом конце поселения, далеко от нас. Несмотря на грязь и дождь, я решила пойти проведать их в то же утро, и пошла. Нашла я их такими расстроенными, что испугалась, не болен ли кто?.. Оказалось, что это был день рождения покойного Дмитрия Ильича...

– Разве вы не помните, что всегда проводили сегодняшней день у нас?.. – сказала мне его жена.

«Так вот, как он *сам* напомнил мне своей день!» – подумала я.

---

⁷³ ладанка (*устар.*).

– Вы знаете, что я никогда не помню никаких дней, ни чисел, – отвечала я себе в оправдание. И это была сушая правда.

Я о нем забыла, – но *он* обо мне вспомнил, Царство ему Небесное!..

VII

Чем дальше в лес, – тем больше дров, говорит пословица. Она сбывается на мне буквально. Начиная мой рассказ о разного рода «необъяснимых» событиях, иллюстрировавших мою сравнительно не слишком еще долгую жизнь картинками не совсем обыденными, я никак не думал, что их у меня такая богатая и разнообразная коллекция! Я еще почти ничего не говорила об очень странных явлениях медиумизма и других подобных фактах, бывших со мною. Укажу хоть вкратце и на них.

В 1879, 1880 и в начале 1881 г. мы занимались медиумическими опытами в Тифлисе, а по переезде в Одессу и здесь до конца почти прошлого года⁷⁴, когда одновременно приснившиеся нам, трем самым деятельным членам нашего кружка, очень знаменательные сны – заставили нас оставить эти занятия. Многозначительность подобных сонных видений, прямое указание ими фактов, совершавшихся в ближайшем будущем, заставили нас смотреть на них серьезней, чем обыкновенно смотрят на сны. Что касается лично, то я положительно гораздо больше верю некоторым снам, нежели сообщениям невидимых деятелей медиумических сеансов, которые говорили мне неправду из двадцати девятнадцать раз. В наших тифлисских сеансах участвовали моя семья с няней Машей (ругодевской) на первом плане и некоторые знакомые, чаще всего семья полковника Попова, Э.А.Бабаева, а иногда А.А.Грен, урожденная княжна Долгорукая (дочь магнетизера, о котором упомянуто в начале моего рассказа). Анна Алексеевна – очень сильный медиум, хотя мало занимается медиумизмом и совсем не развивает своей силы⁷⁵. Много видели мы замечательных явлений в виде сильных стуков, подъемов и переносов стола; столы нередко влезали на двери, зацепляя и отпирая ручки; влезали на стены; упав на пол, ползали по нем доскою вперед, толкая наши руки; играли на клавишах рояля (ударяя по ним ножкой) иногда осмысленно, большею же частью просто брэнчали. Самое интересное явление того времени было *эхо*; так называли мы подражание раздававшимся в столе ударам где-нибудь в отдаленном углу комнаты, где никого не было. Так однажды, помню, большому столу, за которым мы сидели, подражали под маленьким диваном в противоположном углу гостиной. В нашу столешницу ударят три раза и под диваном тотчас же раздадутся такие же три сильные удара, у нас заколотят дробью и она повторяется под диваном. Но явление это произошло не более трех, четырех раз во все два-три года наших медиумических опытов. Говорили с нами стуками много и охотно, отвечали на мысленные вопросы нередко очень удачно, но большей частью лживо, хотя бывали иногда и вполне правдивые ответы. Приведу несколько из наиболее замечательных случаев.

Раз вечером у меня в гостиной сидели за сеансом, а я была занята в своей комнате за двумя запертыми дверями, так что ничего не слыхала. В то время я только что начала печатать в педагогических журналах детские рассказы, которые прежде писала единственно для удовольствия своих детей. Прежде я – по пословице «гром не грянет – мужик не перекрестится!» – никогда не думала о литературном заработке; в последние годы пришлось работать. Кроме детских рассказов, я много сотрудничала в местных газетах, но не дерзала ничего посылать в столичные журналы. В это время у меня был написан небольшой рассказ, но я решительно не знала, что с ним делать? Не хотелось, чтоб он пропадал даром, а между тем я была уверена, что в редакциях взглянут на неизвестное имя автора и отложат... даже не под сукно, а вероятно – под стол! Надо сказать, что никто, даже мои дети, ничего не знали о моих заботах и недоумениях. *За*

⁷⁴ См.: Желиховская В.В. Психометрические опыты // Ребус, 1886, №3, 19 января.

Желиховская Вера Владимировна (в замужестве Джонстон, 1863–1920) – писательница, дочь В.П.Желиховской, с 1888 г. жена ирландского писателя, публициста, востоковеда и теософа Чарльза Джонстона (1867–1931).

⁷⁵ А.А.Грен, вероятно, теперь в Москве. По крайней мере, она собиралась туда переехать. Муж ее умер в 1882 году в Тифлисе. – *Примечание В.П.Желиховской.*

столом сидели: Маша (неграмотная), Э.А.Бабаева и товарищ моего старшего сына, корнет Попов. Нечего и говорить, что двое последних не могли иметь ни малейшего понятия о моих размышлениях и тревогах. Дети, задававшие вопросы, восхищались верностью ответов, получаемых ими, и догадливостью «стола», и звали меня послушать, подивиться. Не особенно доверяя их восторгам, я неохотно вошла в гостиную. Дочери начали умолять меня «задумать».

– Задумать не трудно, да ведь он совет! – сказала я, а в голове моей между тем промелькнул вопрос: сколько мог бы мне доставить мой маленький рассказ?.. – Хорошо, – сказала я, – я задумала.

Ответ явился немедленно: «250 рублей». Заинтересованная удачным ответом (который, замечу, кстати, оказался *совершенно верным*), я сказала:

– Молодец, стол! Ну, говори дальше, – и подумала: «Посоветуй, куда мне послать его?»

Вообразите мое удивление, когда стол ясно простучал:

«Пошли Михаилу, пиши ему, а я повлияю».

Я сообразила смысл ответа раньше, чем прочла его моя дочь, записывавшая буквы.

Кто такой Михаил?.. Естественно мысли всех обратились к Е[го] И[мператорскому] В[еличеству] Великому Князю, бывшему наместнику Кавказскому⁷⁶.

– Ты хочешь просить о чем-нибудь Великого Князя, мама? – засыпали меня дети вопросами. – Ты о нем думала?

– А кто же это такой влиятельный?.. Кто это думает повлиять на него? – смеялись сидевшие за столом.

– Да, погодите! – сказала я, понятно сильно изумленная.

– Речь идет совсем не о Великом Князе. О каком ты говоришь Михаиле? Назови ясней! – обратилась я к столу.

Он тотчас же простучал полную фразу:

«Пошли Михаилу Никифоровичу Каткову⁷⁷, а я устрою твоё дело».

– Да ты-то кто такой?.. – было нашим настойчивым вопросом.

Тут общему удивлению не стало границ: стуками сказано следующее:

«Я княжна Наталья Шаликова⁷⁸. Мы были с ним большие друзья. Я помогу тебе».

Надо сказать, что ни один человек из присутствовавших, кроме, быть может, когда-то меня самой, не имел понятия, что М.Н.Катков женат на Шаликовой⁷⁹; а так как в Тифлисе множество Шаликовых, то дети мои и прочие так и ахнули. Вот-де еще новости! Какая-то грузинская княжна Шаликова хвастается своим влиянием на Каткова!

Стол стал сильно волноваться и простучал:

«Я не *какая-нибудь!* Я сестра жены Каткова! Он меня очень любит... Я попрошу его, и он прочтет твою повесть».

Мы все одну минуту притихли.

– Скажи, пожалуйста, ты жива или умерла?

– Когда ты умерла? Давно ли? – снова посыпались вопросы.

Ответ был замечателен *своей правдой*.

«В июле два года будет моей смерти. Наталья Петровна Шаликова умерла, но я жива и все та же. Надейся на мою помощь. Посылай рукопись в “Русский вестник”, – все устроится»⁸⁰.

Нечего и говорить, что я так и сделала. Потом я написала обо всем этом своей родственнице Е.А.Ладыженской⁸¹, узнав, что она хорошо знакома с Катковыми, и просила ее сообщить мне,

⁷⁶ Великий князь Михаил Николаевич (1832–1909) – сын императора Николая I, военачальник и государственный деятель, наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией (1862–1881).

⁷⁷ Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – публицист, издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости».

⁷⁸ Шаликова Наталья Петровна (1815–1878) – писательница.

⁷⁹ Каткова Софья Петровна (1832–1913) – жена М.Н.Каткова.

⁸⁰ Княжна Н.П.Шаликова писала в «Р[усском] в[естнике]» в [18]60-х гг. под псевдонимом *Ольга Н.* Литературное имя ее мне было хорошо знакомо. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁸¹ Ладыженская Елизавета Александровна (урожд. Сушкова, 1815–1883) – двоюродная сестра Е.А.Ган.

правду ли рассказывала о себе Н.П.Шаликова, если существовала такая особа. Ответа долго не было, но когда он пришел, то поверг нас всех в изумление. Елизавета Александровна прислала мне карточку покойной княжны, сообщала подробности о ее жизни и смерти и подтверждала, что 10 июля 1878 г. она сама закрыла ей глаза⁸². Рассказ мой тоже появился в печати в июле⁸³, чуть ли не в годовщину ее смерти.

Вот случай в другом роде.

Семья Поповых и мои дети *беседовали* со столиком в их большой зале. Опыты шли удачно; говорилось что-то, впрочем, очень мрачное; об аде и загробных мучениях. Один из мальчиков Поповых, Владимир, 14 л[ет], не державший стола, а прислушивавшийся издали к тому, что делалось вокруг него, подошел ко мне и шепнул:

– Они спрашивают доказательств, что есть ад. Вот я сейчас их напугаю.

Я не успела остановить его, он убежал и через минуту вернулся, как ни в чем не бывало.

Тогда я его подозвала, чтоб сказать ему, чтобы он не делал никаких глупостей, не мешал им.

– Да я ничего... Право, я так, только пошутить, – отговаривался мальчик.

Вдруг возле стола произошло волнение.

– Что такое?.. Оставьте! Не спрашивайте! Он хочет говорить!.. Он сам хочет сказать что-то, говорите скорей азбуку.

И вот стол выстукал:

«Не верьте! Володя *шалит!*.. Я тут не причем. *Уголь!*..»

– Угол?.. Какой угол? Володю, что ли поставить в угол? – спросили, смеясь, дети.

«Не угол – уголь! Уголь!» – было ответом.

Все бросились к Володе. Я первая... Но на него было смешно и жалко смотреть, так он был поражен и так растерялся. У него в руках был, в самом деле, уголек, еще совсем теплый. Он достал его из печки и собирался бросить его на стол как подарок из ада.

Такая прозорливость стола не могла не произвести впечатления.

Упомяну в заключение о последнем весьма странном случае, бывшем со мною прошедшим летом.

В мае месяце⁸⁴ я ехала в Париж⁸⁵. На четвертую ночь пути, утомленная путешествием, я только что крепко заснула, как вдруг меня разбудил отчаянный голос моей дочери Надежды⁸⁶, девушки восемнадцати лет, которая оставалась, как и вся моя семья, в Одессе. Я ясно, отчетливо слышала *именно ее* испуганный призыв: «Мама! Мама!..» Забывав совершенно со сна, где я, и страшно испугавшись, я открыла глаза, уверенная, что с ней что-нибудь случилось, что она находится близ меня. И действительно, открыв глаза, я ясно увидела над собой встревоженное бледное лицо Нади со слезами на глазах... Не помня себя, я вскочила ей на помощь и тут только сообразила, что я в вагоне поезда, подъезжающего к Парижу, а не дома в Одессе... Я поняла, что это было видение и испугалась еще больше: могло ли это случиться даром?.. Скоро полученные письма дочерей моих⁸⁷ и сына⁸⁸ успокоили меня. Я написала им об этом странном случае в первый же день приезда и спрашивала: не случилось ли что-нибудь особенное в ту же ночь с Надей? К величайшему моему удивлению, она *одна* мне ничего не писала... Однако я была спокойна, зная, что дети не писали бы мне таких веселых писем, если бы что-нибудь с нею случилось. Только

Е.П.Блаватская в письме в редакцию газеты «Московские ведомости» от 29 февраля 1880 г. писала: «Мне обещали через Елизавету Алекс[андровну] Ладьженскую высылать мои напечатанные главы “Из Пещер и проч.” с первого дня их появления...» (http://art-goerich.org.ua/sites/default/files/blavatska/HPB_MV_1880.pdf).

⁸² См. Приложение 1.

⁸³ Желиховская В.П. На Черном море // Русский вестник, 1880, №7.

⁸⁴ 1884 года.

⁸⁵ В гости к Е.П.Блаватской.

⁸⁶ Желиховская Надежда Владимировна (в замужестве Брусилова, 1864–1938) – писательница, общественная деятельница, дочь В.П.Желиховской, с 1910 г. жена военачальника Алексея Алексеевича Брусилова (1853–1926).

⁸⁷ Вера Владимировна Желиховская.

Желиховская Елена Владимировна (1874–1949) – общественная деятельница, дочь В.П.Желиховской.

⁸⁸ Валериан Владимирович Желиховский.

через три недели все объяснилось ее письмом: они сговорились скрыть от меня ее болезнь ради моего спокойствия. В ту именно ночь с 7-го на 8-е мая, когда *ее голос* разбудил меня и *ее бледное лицо склонилось ко мне в вагоне* железной дороги, Надя сама за тысячи верст от меня лежала без памяти, опасно больная. Она простудилась накануне и получила воспаление легких.

«Представь себе наше удивление, мамочка, когда мы получили твое письмо! – писала она мне. – Ты слышала и видела меня именно в ту ночь, как я заболела и вспоминала о тебе в бреду»...

Остановимся пока на приведенном здесь, хотя это далеко не все *необъяснимое*, что испытала в моей жизни. В последние годы произошло в семье нашей много странных вещей – и на наших медиумических сеансах, и вне их, в особенности же в области сновидений. Быть может, я со временем поделюсь ими с людьми, интересующимися не исключительно одними осязаемыми и вполне объяснимыми фактами.

Вера Желиховская.

Одесса. 25 октября 1884 года.

Приложение 1

Письмо Е.А.Ладыженской к В.П.Желиховской⁸⁹

24 Июня 1880.
Порхов, Тягуце.
[Псковская губерния].

В эти местности не скоро доходят и не быстро излетают из них письма.

Ваше сообщение, любезнейшая Вера Петровна, так меня поразило, что я в тот же день хотела поговорить с вами о моей милой, незабвенной княгине Наталье Петровне Шаликовой, которой я закрыла глаза 10 июля 1878 г. Желание присоединить и ее карточку, так как у меня их две, заставило дожидаться не прибывшей еще моей поклажи; теперь, с первою посылкою в Порхов, отстоящий от нас на 40 в[ерст], спешу познакомить вас с вашей покровительницей. Кроме того, сегодня же напишу дивное ваше сказание общей нашей и жены Каткова, Соф[ьи] Пет[ровны], родной сестры *моей* княжны, приятельнице – С[офье] Дм[итриевне] Кареевой, с которой я 7 лет провела дружески в одном коридоре той же университетской типографии. Мой рассказ, мож[ет] быть, возбудит их любопытство и подвинет ваши дела. Не сомневайтесь в моем сильном желании быть вам полезной. Но с какою радостью передала бы я их успешность милой моей княжне, а вас просила бы молиться об ней. Несмотря на свой светлый, артистический ум и теплую религиозность, она ужасно боялась смерти, и еще в последние дни я сделала ей за это выговор. Не знаю, как буду умирать сама, но во всю жизнь я находила смерть пленительнее всего, что нам дано или что мы встречаем здесь.

И так, свояченица М[ихаила] Н[ик]и[ф]о[р]овича Каткова, кн[яз]ж[на] Шаликова, была прелестнейшим созданием; на 18 лет старше своей сестры, она никогда не решалась выйти замуж; ей даже не верилось, чтобы идеалистки, как мы, могли найти, хоть минутно, приблизительное⁹⁰ осуществление нашим понятиям о любви. Но она любила все и всех, была чрезвычайно общежительна, оставаясь не на людях, она хандрила, капризничала; это мешало всем ее знавшим иметь о ней серьезное уважение, кот[орое] она заслуживала своими положительными качествами; иные другини позволяли себе даже в последнюю ее болезнь подсмеиваться над нею; на них я, конечно, раз опрокинулась гневною диатрибою⁹¹, хотя она и мне раза два надоела своим бесчисленным повторением, что рис в супе недовольно разварен или горничная пролила ½

⁸⁹ Публикуется по: ГАРФ, ф. 5972, оп. 4, д. 1.

⁹⁰ Далее зачеркнуто: *его*.

⁹¹ Диатриба – речь (устная или письменная), содержащая жестокую, резкую критику.

лекарства. Такие мелочи делали домашним жизнь с нею не довольно приятною, что было очень жаль в сопоставлении с ее добрейшею, высокою душою и талантами. Она была страстною музыкантшею, в молодости восхитительно танцевала, была остроумна без малейшей колкости, любила поэзию, все хорошее в литературах и сама писала очень изрядные повести под псевдонимом Е.Нарской. – Состоянием она имела какую-то ничтожную пенсию, но сестра ее с мужем исполняли все ее хотения, часто бывавшие затеями. Так, почти каждый год она ездила за границу; особенно если слышит о каком новом способе лечения; магнетизму верила слепо, спиритизма боялась, в чем, конечно, подкрепляла и я ее, наводя в ней сомнения и на самый магнетизм. Верю, что эти вещи существуют, что они в ходу, как и многие другие, иные, прочие, об которых практиканты умалчивают, но я питаю к ним подозрение и отвращение.

Очень занимает меня ее появление у вас. Она была так услужлива и много делала добра по своим родственным и светским связям, никогда никого не обманывая. Посмотрим, такова ли осталась она и отрешившись от тела? Она (если это *она*?) могла провидеть ваше тягостное положение и то, что поощрение может развернуть ваш талант вполне; ее участие к трудам глубоко-чтимого beau frère⁹² тоже могло ее подстрекнуть... Увидим, каков будет результат. При похвальной, столь сходной с ее привычками, полной участия природе, окажет ли она мощь повлиять на нашего редактора? That is the question⁹³.

Я с своей стороны рада, что получила об ней весточку, хотя, мож[ет] б[ыть], недостоверную, но вам свидетельствую, что она была милая, правдивая, добродушнейшая дева. Никогда никого не хулила, напротив, выискивала его сокровенные достоинства. Некоторые взбалмошности были единственными ее недостатком и – пристрастие к жизни с ее шумными, пестрыми утехами, не допускаящими ее и при дверях гроба глубоко вникнуть в себя и в упования христиан. Спросите ее, каков ее удел там. Я мало об ней беспокоюсь, а пламенно желаю, чтобы она была *изумлена* благами и преизбытком жизни, кот[орые] сама надеюсь обрести “в стране живых”.

Отвечайте мне поскорее, моя милая. Кланяйтесь всем вашим. Мои внуки и сын так ко мне милы, что ничем иным не хочется заняться. Однако, немедленно примусь за ошеломление моей Соф[ьи] Дм[итриевны]. С крепкою дружбою сжимаю вашу руку. Ел. Ладыженская.

---

⁹² свояка, фр.

⁹³ Вот в чем вопрос (*англ.*) – слова из трагедии В.Шекспира «Гамлет».